

АРТЕФАКТ
amp;
ДЕТЕКТИВ

Карл Брюллов
незадолго до смерти
сделал молодому
художнику необычный
подарок, круто
изменивший жизнь
и будущее многих
поколений...

Юлия АЛЕЙНИКОВА

Прощальный подарок
Карла Брюллова

Артефакт & Детектив

Юлия Алейникова

**Прощальный подарок
Карла Брюллова**

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Алейникова Ю. В.

Прощальный подарок Карла Брюллова / Ю. В. Алейникова —
«Эксмо», 2020 — (Артефакт & Детектив)

В далеком 1849 году незадолго до смерти великий Карл Брюллов подарил своему бывшему соученику по Академии художеств Афанасию Пичугину некий портрет, круто изменивший судьбу его потомков. Шли годы, менялись поколения, а портрет оставался благословением и проклятием семьи... В наши дни в своей квартире в центре Петербурга найден мертвым старый художник Михаил Андреевич Пичугин. Что это было, убийство или попытка ограбления? Как глубоко во времени уходит нить этого преступления? Раскрыть семейную тайну Пичугиных предстоит молодому сотруднику следственного отдела Никите Борисову...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Алейникова Ю. В., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

Пролог	6
Глава 1	14
Глава 2	20
Глава 3	26
Глава 4	32
Глава 5	37
Глава 6	42
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Юлия Алейникова

Прощальный подарок Карла Брюллова

© Алейникова Ю., 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

* * *

Пролог

Апрель 1849 года, Санкт-Петербург

Задувало с Невы, ох, задувало. Плохонькое пальтишко Афанасия Ивановича никак не могло спасти от этого сырого пронзительного ветра, мчавшегося по речному простору с весенней удалью. И стонали, поскрипывая, корабельные мачты, и ежились прохожие, и, придерживая картузы и шляпы, спешили свернуть в улицы и переулки, и бились о гранитный парапет сине-стальные воды, и брызги летели вверх, подхватываемые ветром. И яркое весеннее солнце слепило глаза, лаская теплым лучом нос и щеки. И радостно должно было становиться на душе от этого весеннего буйства, да вот не становилось.

В глазах Афанасия Ивановича, казалось, навсегда застыло выражение горечи и обиды.

Подходя к зданию Академии художеств, к alma mater можно сказать, только что не сплюнул от досады. Да, пока учился в ней, бедствовал, но мечтал, вот учится, станет художником, пойдут заказы, прославится... Куда там!

Видно, так уж на роду написано. Бедный все беднеет. Неудачнику от рождения прописано тяжкий крест нести и не роптать. Ладно бы еще один был, уж концы с концами худобедно свел бы. Так ведь нет.

Едва Академию закончил, на радостях женился, да еще и выгодным женихом себя вообразил.

Уленька – душенька, голубка кроткая, ни разу его ни в чем не упрекнула. Сперва-то он все еще заказов ожидал, клиентов состоятельных, портреты мечтал писать вельмож да купцов зажиточных, а ему больше чем вывеску намалевать или там журналишко второсортный оформить и не предлагали ничего. А он, Афанасий, по первости еще ерепенился, как же, выпускник Академии! А через полгода, когда за квартиру платить стало нечем, любой малости радоваться стал.

С тех пор так и живут, перебиваются, чем Бог послал. На казенную службу не устроится, связи нужны. Заказчиков богатых откуда же взять? А тут еще и детишек Бог послал. Три дочки, Вера, Надя и Любочка, и сын Михаил, младшенький. Болеет сейчас маленький, доктора надо, лекарства, а в доме шаром покати, копейки нет. Хозяин грозит с квартиры выгнать, это с детьми-то. Приходится для его дрянного трактирщика меню рисовать. И ладно бы за деньги, а то просто чтобы с долгом подождал да с квартиры не выгнал. А менюто какие выходят, таких небось и в наилучших ресторанах не увидишь. А хозяин-разбойник нет чтоб отблагодарить, ругается да грозится. Да и то, чего ему не грозить, если Афанасий Иванович перед ним, аки гнида какая, жмется да кланяется.

Налетел сильный, злой порыв ветра, словно кулаком толкнув тонкую фигуру художника. Вот и природа супротив него.

Повыше поднимая вытертый воротник, продолжал стенасть про себя бедолага. Только что и спасения что благодетель Карл Павлович, кабы не он, так давно уже ноги протянул бы. А он, Великий, не гнушается и денежкой одолжит без возврата, с чего отдавать-то? И накормит когда, а когда из вещей своих поднесет на бедность. Шубу, абы пальто, а то рубашек полотняных. Им, сирым, и это счастье.

А ему что? Так, пустяк. На весь мир прославился, император к нему в мастерскую запросто приезжает. Сказывают, много лет уговаривал портрет написать, а Брюллов ни в какую, и ничего, сошло с рук. Собор Исаакиевский расписывать доверили, не без зависти размышил Афанасий Иванович.

Правда, болеет Великий, сильно болеет, даже государь согласился отпустить незаменимого Карла на лечение на Мадейру, а ведь он столько лет рвался в любимую Италию, и все напрасно.

Страдал Карл Павлович в сыром климате Петербурга. Не радовало его пасмурное низкое небо, рвался всей душой в цветущую Италию. А вот Афанасию Ивановичу не довелось нигде побывать, не хватило ему таланта, чтобы претендовать на пенсионерскую поездку за границу.

Ну, вот и подъезд. Постоять, дыхание перевести. Коляски вон у подъезда. Небось опять полон дом народа. Ученики, приятели, подпевалы, знаменитости разные, а у Афанасия Ивановича дело такое деликатное.

Краснея заранее от стыда, мялся он, собираясь с силами, чтобы позвонить в колокольчик. И лакей у Брюллова Лукьян строгий, взглянет из-под бровей, аж душа в пятки. Да куда ж деваться? Мишенька болеет.

К удивлению Афанасия Ивановича, в мастерской было пусто. Из гостиной доносились голоса, а вот в мастерской, куда его Лукьян привел, ни души.

Он присел робко на стульчик у двери, зябко ежась, потирая замерзшие ладони. Апрель был переменчив, то дождик, то солнышко, то ветер сырой, до костей пробирающий, зябко.

— А, Афанасий, друг сердечный! — услышал над собой густой, мягкий голос Афанасий Иванович и тут же подскочил, работяно кланяясь, просительно улыбаясь.

Но Карл Павлович обнял его как равного, похлопал по плечу.

— Что, брат, опять туго? — спросил, улыбаясь и с грустью разглядывая худое, источенное заботами лицо старого приятеля.

— Да уж, Карл Павлович, совсем нужда замучила, кабы не крайние обстоятельства... — всхлипнул малодушино от такой участливости Афанасий Иванович.

Сам Брюллов выглядел ужасно. Худой, почти изможденный, неопрятная прическа, одет в старый халат, сверху какой-то платок намотан. И все время кашляет, так что сотрясается весь. Ужас, да и только.

— А меня, Афанасий, на Мадейру посылают, лечиться. Слыхал небось?

— А как же, — угодливо покивал Афанасий Иванович. — Вам на солнышке погреться очень даже необходимо, а там здоровым да полным сил к нам вернетесь.

— Нет, Афанасий, не вернусь я ужсе. Умирать еду, — просто, без всякой рисовки заявил Брюллов, опускаясь в кресло. — Так-то вот. А что же мне с тобою делать? — тут же встряхнулся он, отгоняя печальные мысли. — Не будет меня в Петербурге, кто ж выручит? А?

— Уж и не знаю, Карл Павлович. Мне бы службушку какую? Чтоб сжалованьем? — с надеждой проговорил Афанасий Иванович, но Великий, казалось, его не слышит.

— Вот что, Афанасий, — вставая и задумчиво бродя по мастерской, проговорил Карл Павлович, — возьми-ка пока сто рублей, авось на первое время хватит, а еще штуковина у меня одна... Подарю тебе, авось, выручит... да и терять тебе ужсе нечего, — бормотал он, сунув в руку одуревшего от счастья Афанасия Ивановича ассигнации.

Шутка ли, такие деньги!

Карл Павлович тем временем что-то настойчиво искал в углу мастерской.

— Тут она, точно знаю. Если бы потерял где, тогда бы он... Да нет. Здесь, определенно здесь. Ага, вот она, — вытаскивая из вороха старых холстов, подрамников и прочего художественного скарба небольшую, замотанную плотно в старую холстину раму. — Сейчас, погоди, дружище. Сейчас... — озабоченно бормотал Карл Павлович, освобождая свою находку из пыльного плена.

Это был небольшой портрет, размером с развернутую книгу, темный, грязный, а с портрета на Афанасия Ивановича глянул, вот именно глянул, препротивный старикашка. Неряшливый, оборванный, с вислым крючковатым носом и мерзкими рыскающими глазками. В костистых чумазых пальцах он сжимал мешочек с деньгами. С первого взгляда на портрет было ясно, какого рода человек перед вами.

Портрет был написан бездарно, и только мерзкие шныряющие глазки по-настоящему удались художнику, и именно они вызывали непреодолимое отвращение к портрету, едва взглянув на него, тут же хотелось отвернуться.

— Что это? — брезгливо сморицив нос, спросил из вежливости Афанасий Иванович, сам бы он написал старика не в пример лучше.

— Это мой подарок, — просто сказал Брюллов, протягивая Афанасию Ивановичу картину. — Да ты погоди, выслушай сперва! — воскликнул Великий, предупреждая готовые сорваться с языка приятеля слова. — Картинка эта, конечно, так. Мазня. Но дело не в том. Я сейчас тебе расскажу кое-что, а ты послушай.

Карл Павлович снова тяжело опустился в кресло, заходясь сухим мучительным кашлем. В мастерскую заглянул Лукьян, да Брюллов отмахнулся, уйди, мол.

— Так вот, — переждав приступ кашля, продолжил Карл Павлович. — Это было в Италии в тысяча восемьсот двадцать девятом году. Мои отношения с Обществом поощрения художников, которое вместо Академии взялось оплатить мою поездку в Европу, на тот момент окончательно разладились, я остался практически без средств, зато свободный от всяких обязательств. — На лице художника при воспоминаниях об этом благословенном времени заиграла легкая, мечтательная улыбка. — Тогда я еще не достиг сколько-нибудь широкой известности, средств на жизнь не хватало, я много работал. О, сколько вдохновения, сколько сил, идей, замыслов бурлило во мне... Но я не об этом, — сам себя прервал Карл Павлович. — Однажды я делал акварельные наброски в окрестностях одной живописной деревушки около Рима и не заметил, как пристроился у меня за спиной на камне один колоритный синьор. Старый уже, на вид лет сто, совершенно белые волосы, но еще густые, крупными такими локонами, с бородкой благообразной и одет прилично, в бархатную куртку, хорошие сапоги, а шляпы вовсе нет, и смотрит, как я работаю. Да смотрит так это, с пониманием, с прищуром. Словно оценивает. Поздоровались, разговорились. Оказалось, что я не ошибся. Старичок оказался художником, в свое время очень популярным в Италии, но, по его собственному признанию, удачливости в его творчестве было больше, чем таланта. На старости лет он переехал в деревню, туда самую, возле которой мы и повстречались. У него был свой дом, небольшой, но очень уютный, с красивым просторным садом и восхитительным видом на окрестности. Жена его уже умерла, дети жили своими семьями, а за ним ухаживала немолодая служанка, которой ко времени нашей встречи было уже не меньше пятидесяти лет.

Старик пригласил меня в гости, угостил отменным вином. Мы разговорились. Несмотря на возраст, у него был ясный пытливый ум, он живо интересовался всеми модными течениями в искусстве. Одобрил мои акварели, пожелал взглянуть на другие мои работы. Как-то незаметно наш разговор перешел на Россию, на возможности для художника в нашей стране, и как-то невзначай коснулся Общества поощрения художников и моего рассставания с ним. Мой новый знакомец был так внимателен и добр, что я разговорился и под действием вина, очевидно, пожаловался ему на финансовые затруднения. После этого он и принес мне этот портрет. Прежде чем подарить его, он сказал, что оставил своим детям неплохое состояние, никто из них не унаследовал художественных талантов. Зато все они твердо стоят на ногах, имея приличные доходы, а потому он без всякого сожаления расстается с этой вещью. Сперва я подумал, что он хочет подарить мне одну из своих работ, к моему сожалению, весьма бездарную, но оказалось, что я ошибаюсь. Кто написал эту картину — неизвестно, к моему знанию она попала случайно, он купил ее в далекой молодости, когда распродавали вещи одного умершего художника. Купил за бесценок, по случайности, не предполагая, что именно попало ему в руки.

Афанасий Иванович еще раз внимательно, с интересом взглянул на холст. И снова не смог разглядеть в нем ничего примечательного.

— Старый художник сказал, что этот портрет имеет мистическое происхождение, и именно он помог ему достичь благополучия и добиться успеха. Но с горечью добавил, что за успех в обществе ему пришлось заплатить теми крохами таланта, что оделила его природа. Мне такая опасность, по его мнению, не грозила, мой талант должен был справиться с искушением портре́та. Но все же он предупредил, владеть портре́том значит бороться с искушением. Мне недолго осталось жить, и, думаю, могу по праву сказать, я победил искушение, всего добился сам, — гордо вскинув голову, проговорил Карл Павлович, но тут же смущенно улыбнулся и ласково взглянул на Афанасия Ивановича: — Ну а тебя жизнь довела до такой черты, что не то что талант, сам ты стоишь на пороге гибели, а потому без опасения вручаю тебе этот портре́т. Владей. Но будь осторожен.

— Да что же мне с ним делать? — воскликнул вконец запутавшийся Афанасий Иванович.

— Просто возьми его домой и пообещай никуда не выбросить, не продать, не подарить. Дай слово.

— Даю, — легко кивнул Афанасий Иванович, все еще сжимавший в ладони подаренные Брюлловым сто рублей.

— Ну, вот и ладно. А теперь прощай, друг. Более уж не свидимся. — И, обняв Афанасия Ивановича, расцеловал.

В дверях мастерской Афанасий Иванович столкнулся нос к носу с Платошкой Коробковым. Наипротивнейший тип, надо дождаться. Человечишко рода не знатного, талантами не одаренный, состояния не имеющий, умом большим тоже не блещет, а вот втерся же к Великому, да и в других приличных домах бывает, и не только у художников. Говорун, болтун, скоморох балаганный, а когда хозяева, да и гости под хмельком начнут то карикатуры рисовать, то вирши экспромтом, ежели в гостях у литератора засядут, а то, может, романтик какой, так вот он это все подбирает, все листочки собирает и продаст.

Гении они что? Сотворят в порыве вдохновения и забудут, а он с этого кормится. Вор и подлец.

Афанасий Иванович, при всем своем бедственном положении, никогда до этакой низости не опускался. А потому сейчас явление Платошки и вовсе проигнорировал, прошел мимо, словом не удостоив.

Быстрей к себе, домой! К Уленьке, к Мишеньке, к дочкам. По пути в лавку забежать, еды купить, детишкам гостинцев, со ста-то рублей можно. Доктора к Мишеньке позвать, с хозяином — шельмой бесстыжей за квартиру рассчитаться...

По пути домой Афанасий Иванович забежал в лавку, накупил всякой снеди, детишкам гостинцев, по дороге заглянул к доктору, никакие просил прийти и заплатил за визит сразу. Отчего доктор прибыл незамедлительно.

Когда Афанасий Иванович с доктором поднялись в квартиру, Мишеньке было совсем плохо. Уленька, бледная, измученная беспокойством и бессонной ночью, сидела у его кровати, промокая лобик. Девочки тихие, бледные, похожие на чахлые, выросшие без солнечного света растенности, сидели на стареньком вытертом диване, перебирая на коленях какие-то старые тряпицы. Ни шумливости, ни игр, за братика переживают.

Портрет он в попыхах в комнате за шкаф сунул да тут же про него и забыл.

Доктор Мишеньку осмотрел, прописал порошки, питание полноценное, бульоны. У Уленьки от этих слов на глаза слезы навернулись. Где же их взять, бульоны-то эти?

Но Афанасий Иванович погладил ее по плечу, мол, ничего, ничего, будут и бульоны. А когда доктор ушел, сгояня в аптеку за углом. А заодно в подвалчик соседний, купил бутылочку дешевого кислого винишка, выпить за здоровье благодетеля Карла Павловича Брюллова.

Жар у Мишеньки к ночи отступил. Заснул Афанасий Иванович быстро, легко, сегодня день прожили, и слава богу, а завтра надо будет первым делом за квартирой заплатить, пока

этот клещ Кузьма Потапович квартирального не привел. С тем и заснул. На сътый-то живот да после бутылочки кому ж не заснется?

А ночью вдруг его стук какой-то разбудил. Да так, что Афанасий Иванович, в секунду проснувшись, на кровати подпрыгнул. Смотрит вокруг, таращится в темноту, ничего понять не может. В доме тишина, только тараканы за обоями потрескивают. Уленька рядом спит. Личико ее даже во сне печально, заботами источено.

Афанасий Иванович повздыхал, прошелепал на кухню водички попить и тут снова будто шебаршение какое услыхал, за шкафом точно мыши возились.

«Вот проклятые, кота бы завести», – зевая, подумал Афанасий Иванович, да ведь хозяин-шельма не даст.

Он взгляделся в освещенный призрачным лунным светом угол, мышей не увидел, но заметил вчерашний портрет, лежал он уже на полу, уголком выглядывая из-за шкафа.

Афанасий Иванович тут же устыдился, как это он подарок самого Брюллова, щедрого его благодетеля, вот так вот неуважительно за шкаф? Надо бы его на стену завтра повесить, а пока вот хоть на стул приспособить, пусть стоит. И, утвердив надежно творение неизвестного мастера, снова отправился спать.

Второй раз Афанасий Иванович проснулся не сразу. Долго ворочался, кряхтел во сне. Мучило его какое-то беспокойство, и, наконец, проснулся с явным ощущением, что в комнате кто-то есть посторонний. Он снова сел на кровати и огляделся.

В комнате, как и следовало ожидать, никого не было, только противный старикишка таращился на него с портрета. Афанасий Иванович поежился под этим взглядом, сплюнул через плечо и, повернувшись на другой бок, попытался опять заснуть.

Но в голову ему теперь лезли беспокойные мысли. Как хорошо иметь деньги. Вот сегодня без всяких проволочек позвал доктора. И в лавке рассчитался. И еды всякой накупил, а еще надо бы девочкам ботинки справить, а хорошо бы Уленьке к именинам новое платье подарить.

Да уж, какое тут платье, когда не сегодня завтра деньги, выданные Брюлловым, закончатся. И опять будешь думать, чем семью прокормить, как бы копейку заработать.

На глаза Афанасия Ивановича навернулись слезы. Так стало жаль себя, девочек, Мишеньку, жену свою Уленьку, даже сердце резануло. А все нищета проклятая. Ведь так и проживут они свой век, радости не познав, в бедности и унижении. А вот как бы было чудесно получить какой-нибудь заказчик, тысячи этак на три... А потом еще... Купить свой домик, с садиком, а может, и в два этажа, и тогда можно было бы первый этаж сдавать и даже доход свой иметь.

Размечтался Афанасий Иванович, и так это ему все живо да сладко представилось, но мечта его прервалась в самом чудесном месте, когда они всей семьей в весеннем саду под яблоней чай садились пить.

Отвлек его от сладких дум явственный шорох в комнате.

Афанасий Иванович, ругая мышей, повернулся на кровати и с ужасом уставился на портрет.

Старик, уперевшись костлявыми пальцами в края рамы, вылезал из портфеля! Афанасий Иванович почувствовал, как весь покрывается ледяным потом.

«Господи, спаси и сохрани!» – бормотал он немеющими губами. А потом, кажется, потерял сознание.

Очнулся Афанасий Иванович, видно, скоро, потому что свет луны, лившийся сквозь неплотно задернутые занавески, едва переместился на стене.

В комнате было тихо, мирно спала под боком Уленька, и он, утерев пот со лба, с облегчением выдохнул и перекрестился.

– Привидится же такое, – пробормотал Афанасий Иванович и, повернув голову, тотчас увидел сидящего у него в ногах мерзкого старикишку.

Тот сидел молча, сосредоточенно пересчитывая пачку замусоленных банкнот в руке, а за ней, достав из-за пазухи, другую-третью, пересчитав, аккуратно перетягивал их веревочкой и доставал новую.

У Афанасия Ивановича даже руки зачесались, такого богатства он отродясь не видел, это ж у старика небось не одна тысяча припрятана. Он даже думать забыл, откуда взялся этот старик, только на деньги смотрел, и, когда одна пачка, скользнув с верхушки столички, почти беззвучно шлепнулась на пол, не утерпел и, выпростав руку из-под одеяла, схватил ее и прижал к груди.

Старичок на него и не глянул, а только собрал свое богатство, сунул за пазуху выношенного шлафрука, подпоясанного простой веревкой, и зашелепал назад в картину. Кряхтя, залез в нее, точно это дело было совершенно обычное, и только тут взглянул на Афанасия Ивановича цепким, проникающим до самых костей взглядом. Тут Афанасий Иванович второй раз потерял сознание и пришел в себя только два дня спустя.

Уленька сказала, наверное, от Миши заразился. Мальчик-то уже совсем оправился и быстро на поправку шел. А Афанасий Иванович, лежа в постели слабый от жару и лихорадки, с радостью понимал, что весь кошмар со стариком и портретом ему просто в бреду привиделся, хотя денег, конечно, было жалко. Рука его до сих пор ощущала их плотную тяжесть.

Ну да что уж поделаешь. Помечталось, и будет. А портрет Уленька в чулан убрала, сказала, дети его побаиваются. Потому как старики с портретами все время следят за ними, и глаза у них совсем живые и недобрые.

А вечером того же дня Афанасий Иванович уже с постели встал чаю со всеми выпить, заявился к ним вдруг стариинный его знакомец, еще по Академии соученик бывший, Аполлон Доможиров. Щеголь, болтун, баловень судьбы.

— Здравствуй, друзьяще. Извини, что вот так вдруг, без приглашения, — с порога кинулся к растерявшемуся Афанасию Ивановичу. — Это вот вам, хозяйка, примите в знак величайшего! — с поклоном протянул он Уленьке корзину с фруктами. — Афанасий, друг, выручай, на тебя вся надежда! — без дальнейших предисловий кинулся в ноги Аполлон.

Афанасий Иванович только глазами моргал. Снятил он, что ли? Какое выручай? Чем? Неужто не видно, что у них не то что взаймы, сами с хлеба на воду перебиваются?

Но Аполлон, смущения хозяина не замечал, таращил себе дальше, уже устроившись за столом:

— Ты понимаешь, Афанасий, какое дело вышло? Чистая ерунда, — с досадой размахивал Аполлон руками. — Был я вчера в театре с одной лихой компанией, потом в ресторан, как водится, поехали, там упились в дым, пардон, — поклонился он хозяйке. — И я в полном беспамятстве пообещал одному сермяжному купчине то ли из Калуги, то ли из Твери, пес знает, откуда он взялся! Вот такая парсuna! — показал руками Аполлон. — Медведя может голыми руками завалить. Ей-ей. Так вот. Подрядился я спяну портрет его писать. И даже деньги вперед взял! Три тысячи червонцами! — закатывая в отчаянии глаза, стенал художник. — А утром проснулся, протрезвел, напомнили мне, я так в ужас и пришел. Я, Аполлон Доможиров, купецкую морду писать?! — Афанасий Иванович только и мог, что повторять про себя как зачарованный «три тысячи»! — Ну, собрался, помчался к нему на какой-то постоянный двор, стал деньги назад совать. Мол, извини, погорячился, мол, не взыщи, честь, конечно, большая, но возможности никакой нет. А он ни в какую, пиши или зашибу, а не зашибу — так засужу. А мне что делать? Я бы уж и рад, но ведь и правда не могу. Портрет князя Назимова с семьей писать должен, и так уж затянул сверх всякой меры. И куда деваться? Вот и пришло пообещать, что напишет его другой известный на весь Петербург художник, про которого даже в газетах пишут, Афанасий Иванович Пичугин, собственной персоной.

— Да кто же про меня писал, когда? — вытаращился на приятеля Афанасий Иванович.

— *О том не беспокойся, я от купчины этого сразу же в редакцию, у меня там знакомства, статейку о тебе написал, сегодня вечером в печати выйдет. А ты уж, Афанасий, не выдай, будь другом, напиши ты этого купца, а? Я ведь ему и деньги вернуть хотел, и сверху доплатить, он ни в какую! А ты сможешь, а? У тебя же всегда кисть легкая была, и портреты выходили выразительные, да и купец этот не велик знаток. Ему главное, чтоб покрасивее, да чтоб борода попышнее, знаю я их. Три тысячи, Афанасий, а? Соглашайся? — доставая из-за пазухи пухлую пачку, завернутую в газету, уговаривал Аполлон. — Все до последней копейки, что от этого узурпатора получил, можешь пересчитать, а потом сам у него проверить!*

Афанасий Иванович мельком взглянул на жену. Уленька стояла у окошка с корзинкой в руках, с восторженным ужасом глядя на гостя. Три тысячи!

— Да, я готов, — робко поговорил Афанасий Иванович. — Да кто же меня за известного в столице художника примет? — скосив глаза на свой заношенный сюртук, пробормотал художник.

— Предусмотрел! — радостно воскликнул Аполлон и выскоцил в переднюю, откуда вернулся с узлом. — Вот, взгляни, мой костюм, не новый, конечно, уж не взыщи, но я уверен, будет тебе впору. Тут и галстук, и сорочка, все как есть. А? А писать ты его будешь в гостинице, завтра в полдень он тебя ждать будет. Вот и адресок я тут написал. Конец, конечно, не близкий, но все же три тысячи, а работа, можно сказать, пустяковая, ты, главное — не усердствуй, свет, там, ракурсы и прочее, душа опять-таки, им это не очень надо. Занавес бархатный побогаче напиши и еще чего, для антуражу, — сутился Аполлон, натягивая на Афанасия Ивановича свой сюртук тонкого сукна. — А уж я тебя отрекомендовал, в лучшем виде.

Вот так все и пошло. С этого самого купца да с Аполлона. Один портрет за другим, вот и домик ужে появился свой с садиком на Васильевском острове, а потом особнячок. Выезд свой появился. Капиталец стал образовываться. Жизнь потекла приятная, размеренная, с излишествами, о коих ни он, ни Уленька и мечтать не могли. Даже за границу сподобились выехать всем семейством на воды. Карл Павлович к тому времени уж давно умер, но благодарный Афанасий Иванович не раз поминал его добрым словом да молебен в день именин каждый год заказывал. Ведь спас его, можно сказать, Великий Карл, спас. А то, что работы Афанасия Ивановича гением не дышат? Ну, так что же тут поделаешь, не всем дано. Зато живут сътно. Да еще появился в окружении Афанасия Ивановича Платон Коробков. Как, откуда, тихо так прокрался в дом, с ласковыми речами, кроткими взглядами, шутками да прибаутками, а только Афанасий Иванович нет-нет, да и приметит за кротким взглядом да веселой шуткой алчный огонек, да завистливую гримасу, а чтоб от Коробкова избавиться, очень уж навязчив да пронырлив оказался, швейцара себе завел, здоровенного, грозного детину с черной окладистой бородицей. Даже дети его первое время пугались.

А портрет, подаренный Брюлловым, Афанасий Иванович всегда держит в кабинете, не на виду. Боже упаси. В сторонке. И старичок этот хоть и не пугает, как прежде, а нет-нет, да и явится Афанасию Ивановичу, посидит в изножье кровати, пожует беззвучно губами, словно напомнить о чем-то хочет. Вот только о чем?

19 июня 2019 года, Санкт-Петербург

«Вчера в Петербурге в собственной квартире был найден убитым видный деятель искусства, заслуженный художник России, профессор Санкт-Петербургской Академии художеств Михаил Андреевич Пичугин.

*Представитель известнейшей в России династии живописцев, человек, внесший беспрецедентный вклад в развитие Российского...»
Городской телеканал, Санкт-Петербург, «Вечерние новости»*

*«Вчера при попытке ограбления в собственной квартире был убит профессор Академии художеств, заслуженный художник России Михаил Андреевич Пичугин. Следствие ведется...»
Семнадцатый канал, Санкт-Петербург, «Криминальные новости»*

Глава 1

14 мая 1925 года, Ленинград

— Ну как же ничего ценного? — отняла от лица платочек гражданка Пичугина, с укором взглянув на мужа. — А моя шуба? А у Лелечки? Стыдно сказать, все белье пропало! Это какой-то извращенец орудовал, не иначе.

— Муся, прекрати, мне, ей-богу, стыдно перед товарищами из милиции. Шуба котиковая, велика ценность! Мы же не буржуи какие-нибудь, проживем и без шубы, все равно старая была, еще от тещи-покойницы по наследству досталась, — громко, выразительно глядя на супругу, объяснял обстановку Николай Михайлович Пичугин. — А из денег два червонца пропало. На черный день откладывали, — скорбно сообщил отец семейства.

— Понятно, — покивал невысокий чернявый милиционер в поношенной гимнастерке, с наганом за поясом.

Казалось, он вовсе не слушает Николая Михайловича, полностью погрузившись в沉思. Посмотреть было на что. При всеобщей политике уплотнения семейство Пичугиных проживало в отдельной квартире из шести комнат. Хорошо меблированной, со всякими финансами. Буржуйская, одним словом, была квартира.

— А вы думаете, что мы из всяких там бывших, да? — тут же ухватил его мысль хозяин квартиры. — Уверяю вас, что это не так. Совершеннейшим образом не так. Мой отец и мой дед были живописцами. Выбились из самых низов. Деда моего за большой талант в Академию художеств приняли на стипендию, своих средств на обучение не было. И он, знаете ли, там вместе с Тарасом Шевченко учился, а тот и вовсе крепостным был. И потом бедствовали! Да. Нищенствовали, можно сказать, — горячо рассказывал Николай Михайлович. — И только под конец жизни талант деда был признан обществом и вознагражден. И все, что вы видите, это все еще дедом заработано. Отец мой тоже всю жизнь с кистью в руке. И я вот, грехиный, по их стопам пошел. Хоть таланта выдающегося, может, и не имею. Впрочем, не мне судить, — скромно проговорил Николай Михайлович, выпячивая грудь и упирая в нее подбородок. — Но, однако же, большое полотно для ПЕПО недавно закончил. Являюсь членом ГИНХУКа, Государственного института художественной культуры. А недавно по поручению самого товарища Бадаева, — тут Николай Михайлович поднял вверх палец, — я оформлял столовую кооператива рабочих центрального района. А еще регулярно по заданию Сангросвета выполняю плакаты. Мой плакат «Трудовые руки не боятся мыла!» даже на проспекте 25 Октября был представлен. А недавно, тем же товарищем Бадаевым, мне поручено написать портрет товарища Владимира Ильича Ленина! Для его личного кабинета.

Речь хозяина квартиры произвела на милиционера с наганом смягчился. И, прощаясь с хозяевами, он даже протянул Николаю Михайловичу руку.

— Что ж, товарищ Пичугин, опиши украденного у нас имеется, воришки наверняка пожелают сбыть вещи, тут-то мы их и сцепаем. Не сомневайтесь, — твердо пообещал он, кивнув своим товарищам, и они покинули ограбленную квартиру.

— Уф, — выдохнул с облегчением Николай Михайлович, затем поднял на жену страдальческий взгляд: — Муся! Муся! Зачем ты их позвала?

— А что же делать, прикажешь? — тут же прекратила горький плач Мария Григорьевна. — Ты на два дня уехал, Леля в университете, Андрюша в школе, Клава у тетки в деревне, сам ей отпуск дал, я на рынок ушла, возвращаюсь, а тут!.. Ты только взгляни, чтотворится в квартире!

В квартире действительно творилось что-то ужасное. Мебель была перевернута. Шкафы распахнуты. Ящики комодов вывернуты, белье на полу. Вилки-ложки разбросаны по комнате.

— Хорошо, посуду не побили, — порадовалась Мария Григорьевна.

— Хорошо, что серебро припрятали как следует, — поддакнул Николай Михайлович.

— Да уж. Не из-за двадцати же рублей и шубы они тут все перевернули? — озабоченно проговорила Мария Григорьевна.

— Да. Навряд ли. Может, навел кто? Я же на той неделе деньги получил за заказ для шляпной мастерской.

— Коля, это всего семьдесят рублей!

— Да, не то, — озабоченно потер лоб Николай Михайлович. — Но все же не стоило тебе вызывать милицию. Ни к чему в дом посторонних водить. Сама знаешь, какая сейчас обстановка в городе с этим уплотнением, того и гляди подселят каких-нибудь. Наплачусь.

— Ну что, Поликарп Петрович, что там у этого ограбленного художника, Пичугина, кажется? — заинтересовался начальник Первой бригады Уголовного розыска Павел Гаврилович Громов.

— Да, на первый взгляд ничего особенного. Залезли воры, укралли двадцать рублей, шубу хозяйскую из котика, а у дочки шесть пар шелкового белья.

— Ну, ты подумай, какой нынче тонкий вкус у домашников, — усмехнулся Павел Гаврилович.

— Вот-вот.

— А что же странного вы обнаружили?

— Странным было то, что квартира вся перевернута вверх дном.

— Ну, что ж тут странного? Наверное, деньги искали, драгоценности. Вы же знаете, народ их куда только не прячет, — нисколько не впечатлился Павел Гаврилович.

— Да. И все же. Воры, например, пропустили несколько занятных вещичек в квартире. Например, меховую горжетку. Или, скажем, платье креп-жоржет. А уж сколько в квартире всяких безделушек...

— Ну а что сами хозяева говорят?

— Квартиру ограбили днем, когда никого дома не было. Первой вернулась хозяйка, она и вызвала милицию. К нашему приезду она обнаружила пропажу, но ничего особенного в случившемся не усмотрела. Далее вернулся хозяин, при нас вернулся. Его вообще в городе два дня не было, ездил с группой Санпросвета в Кронштадт. Очень оборотистый гражданин. Он и в Институте культуры, он и у товарища Бадаева по личному его заказу что-то там рисует, и для Санпросвета плакаты, и еще неизвестно что. А дед его вместе с Тарасом Шевченко в Академии художеств учился.

— Да что ты? — заинтересовался более просвещенный Павел Гаврилович. — Как, говоришь, этого художника фамилия?

— Пичугин Николай Михайлович.

— Пичугин, Пичугин... Нет, не слыхал. Ну и что же хозяин?

— Как мне показалось, был очень недоволен тем, что жена милицию вызвала. Всячески давал понять, что дело пустяковое. Шуба старая, белье дочкино, это вообще смешно, да и двадцать рублей... шут с ними. Нервничал. А с другой стороны, я в это время их хоромы разглядывал. Их, видишь ли, четверо плюс кухарка в отдельной шестикомнатной квартире проживают. Это при том, что многие граждане в подвалах да бараках теснятся.

— Ах вот оно что. Ну, может, ты его и правда напугал. А квартира эта им еще до революции принадлежала?

— Ага.

— Наведи-ка ты справки про это семейство, про деда и так далее. На всякий случай. Ну а барахло надо поискать на толкучках, да в кабаках на Лиговке, да по малинам. Вон Андрюху Соломина пошли, у него там много знакомцев, отыщет.

— Павел Гаврилович, сегодня ночью была ограблена контора «Кишипромторга» на Гороховой, — на следующий день, утром, докладывал ему Поликарп Петрович, дежуривший в ночь по Уголовному розыску.

— Докладывайте, — кивнул, устраиваясь за столом, Павел Гаврилович.

— Контора располагается во втором этаже трехэтажного особняка на Гороховой. На первом этаже винная лавка, держит китаец Хао Чан. Сторожа в «Кишипромторге» нет, не та выручка. Так что залезли ночью, взломали дверь, сняли попросту с петель, вошли в контору, сейф вскрыть не смогли, все разорили, даже кое-где стены попортили, потом вскрыли заделанный проем в полу, при прежних владельцах там была лестница винтовая, залезли в лавку. Денег китаец в магазине на ночь не оставляет, у него даже сейфа нет, в кассе тоже было пусто, так что побили бутылки, шкафы от стен отодвинули. Унесли штук пятнадцать бутылок, глыбу шоколада. Еще кое-что по мелочи, большие напортили, чем украли, и ушли через второй этаж, — коротко, четко доложил Поликарп Петрович.

— Гм... Считаешь, действовали дилетанты?

— Думаю, да. Полезли наобум, толком не подготовились, даже сейф вскрыть не смогли.

— Может, молодняк зубы пробует? — потер подбородок Павел Гаврилович.

— Может, и так. Только нагадили большие, чем укради, теперь в конторе ремонта за государственный счет ого-го сколько. Можно за порчу государственного имущества привлечь, а?

— Слушай, Поликарп, а мне вот в голову идея какая пришла. А кому этот особняк до революции принадлежал?

— Не знаю.

— А ты выясни. Может, наследники явились добро припрятанное забрать. Или кто-то из уголовных элементов пронюхал о кладе. Уточни в жилищном хозяйстве.

— Есть.

— Ну а по делу Пичугина что? Разыскали шелковые панталоны?

— Пока нет. Но Андрей говорил, панталоны вор мог для своей крали прихватить, тогда их не отыщешь, не будешь же всем девицам юбки задирать. Шуба тоже пока не всплыла. Ну а с деньгами и так все ясно. Двадцать рублей — не велика добыча. Пропили ужে небось.

— Это верно. Ладно, иди работай.

Работы в городе было много, и, хотя в последнее время крупных бандитских нападений в Ленинграде не случалось, все же хорошо они поработали в последние годы, подчистили всякие элементы, засадили в тюрьмы, кого-то расстреляли, кто-то из бандитов погиб при задержании, как Ванька Сибирцев. Но все же лихих людей пока хватало. Разбойные нападения, ограбления и даже убийства еще случались в их славном городе, а значит, надо бороться дальше, размышилял Поликарп Петрович, размашисто шагая по Садовой улице в сторону Гороховой.

Председателя домового комитета некоего товарища Штучкина, мелкого, суетливого, в кожаной, с трудом сходившейся на его упитанном животике куртке, он разыскал не без труда. По свидетельствам жильцов, в помещении комитета застать его было сложно, он обожал обходить вверенный ему дом с флигелями и пристройками. И действительно, облавив все чердаки, обойдя все окрестные подвалы и лавки, Поликарп Петрович обнаружил неуловимого председателя мирно беседующим с дворником в подворотне.

— Из милиции, ко мне? — слегка побледнел товарищ Штучкин. — Это, позвольте, по какому вопросу, не насчет ли ремонта крыши? Нет? А, да, дрова, вероятно? — не трогаясь с места, принялся перебирать председатель, предварительно мигнув дворнику, чтоб тот исчез.

— Нет. Хватит гадать, гражданин, пройдемте к вам в контору, там и побеседуем.

— Итак, меня интересует вопрос, кто при старом режиме владел этим домом? — по-хозяйски устраиваясь возле стола председателя, спросил Поликарп Петрович.

Штучкин ему не нравился. Мелкий жулик и враль, но к делу, которое расследовал Поликарп Петрович, этот факт отношения не имел.

— Ах, вот вы о чем! — радостно воскликнул Штучкин, продолжая лебезить перед посетителем. — А это проще простого. Когда-то этот дом целиком вместе с флигелями принадлежал одному известному живописцу по фамилии Пичугин, затем его сыну, тоже живописцу. Сами они проживали в фасадной части дома, а флигели сдавали внаем. Отец занимал первый этаж, сын с семейством — второй. На третьем у них была мастерская. Еще во дворе слева имеются конюшни, там же каретный и дровяной сарай. Потом старый художник умер, весь дом отошел к сыну. Это еще в прошлом веке было.

— А вы откуда так хорошо все знаете?

— А мой дед у них изволил камердинером служить. Сами мы всегда вон в том флигеле на втором этаже квартировали. Так вот, сын, значит, скончался в восемнадцатом году. Убили его. Время было неспокойное, убили ночью, кто — неизвестно. Жена умерла еще раньше, а его сын, внук то есть первого того художника, жил отдельно, квартира у него была своя, где, точно не скажу. Внука того звали Николай Михайлович. Это я точно знаю, мы с ним в детстве иногда играли во дворе. Он и отца к себе забрать хотел после революции. Брось, говорит, все, переезжай. А тот ни в какую. Мать моя тогда у сына, то есть у отца, ну, в общем, у Михаила Афанасьевича, кухаркой служила. И даже не кухаркой. А так, по дому. Хозяйство у него к тому времени совсем маленькое было, — искательно улыбаясь, рассказывал председатель. — В общем-то мать моя его и нашла. А еще у Михаила Афанасьевича три дочери были старшие, сын-то последним родился, от второй супруги, первая еще раньше умерла. Вот. Где дочери сейчас, не скажу. Потому как давно повыходили замуж, может, и за границу сбежали. А сын вроде здесь, квартира у него была возле самого Таврического сада, на Сергиевской улице, Чайковского по-новому, — услужливо трещал председатель.

Поликарпу Петровичу стоило большого труда не выдать свое волнение. Пичугины, значит! До чего у Павла Гавrilовича нюх, никогда не подводит, как в воду глядел.

— Ну а еще у Пичугиных недвижимое имущество в городе имелось?

— Еще? — с удивлением спросил председатель. — Дача была, в районе Белоострова, где, точно не скажу. Мы там с матушкой не бывали. А больше вроде и ничего.

— А почему же Николай Пичугин съехал из особняка, не захотел жить с папашей. Дом-то вроде огромный?

— А вот точно не знаю. Но вроде не ладили они на почве искусства. Младший Пичугин гением себя мнил, за деньги портреты писать отказывался, хотел прославиться. Но куда ему, таланта не хватило, — меленько посмеиваясь, с удовольствием заметил гражданин Штучкин. — Вот на этой почве и съехал. Но перед самой революцией помирились. Хотя съезжаться обратно и не стали.

— Вот, значит, как. Значит, оба нападения были не случайны, — выслушав рассказ Поликарпа Петровича, заключил начальник Первой бригады Павел Гаврилович Громов. — Ну что ж, это уже что-то. Кстати, сколько человек орудовало в обоих случаях, удалось установить?

— Судя по всему, не меньше двух. На улице Сергиевской, прощите, на Чайковского, дворничиха припомнила, что несколько дней возле их дома крутился какой-то тип. С виду приличный, среднего роста, лет около сорока, в кепке, тиджаке, ничего особенного. Дворничиха его только издали видела. Он напротив дома Пичугиных прогуливавался. Три дома туда, три сюда. И все это среди бела дня, вот она и не волновалась. Кто же при свете дня худое задумает?

— Действительно. Значит, воры наши — не дураки. По крайней мере, один из них. А что ты вообще думаешь по этому делу? — доставая из ящика стола кулечек сахара и банку с чаем, спросил Павел Гаврилович. — Извини, не обедал сегодня, хоть чаю попить. Будешь со мной за компанию?

— Давайте, я тоже как-то про обед забыл.

— Тогда бери стаканы и иди к дежурному за кипятком, а я хлеб нарежу. У меня тут свежая краюшка имеется, — расплываясь в довольной улыбке, распорядился Павел Гаврилович.

— Так вот, по поводу пичугинского дела, — неспешно прихлебывая горячий чай, проговорил Поликарп Петрович. — Думаю я, что старый художник, отец нынешнего Пичугина, припрятал какие-то ценности, и об этом стало известно кому-то. Может, из бывшей прислуги кто-то за кладом охотится или родственники какие-то. Может, скажем, его внучки или дочери, а может, и зятья. Выяснить местонахождение всех членов семейства Пичугиных я еще не успел.

— Ну а этот хитрый тип, председатель жилищного комитета, он что? Его не подозреваешь?

— Честно говоря, нет. Если бы он знал о кладе, уже давно бы его забрал после смерти хозяина, старого Пичугина. Дом некоторое время пустовал. А Штучкин этот все ходы-выходы в доме знает. Мог бы это дело по-тихому провернуть.

— Тоже верно. Значит, надо искать родственников и прислугу. Ну и к Николаю Пичугину тоже присмотреться. Конечно, сам он свою квартиру разорять бы не стал, но, может, в его окружении есть люди, которые могли пронюхать семейную тайну и специально трутся возле них?

— Тоже верно. Но сперва расспрошу его, что могли искать в старом доме его отца. А заодно посмотрю в архиве, нет ли там сведений по делу об убийстве Пичугина-старшего, хотя в то время документация велась из рук вон плохо.

— А ты знаешь что? Поговори-ка ты с Яном Карловичем, он как до революции начал в розыске служить, так, считай, и не прекращал ни на день. И в революцию, и в Гражданскую всегда на посту. Поговори с ним, может, вспомнит? Он из старых спецов, у него память на такие дела феноменальная.

— Дом Пичугина на Гороховой? Когда, говорите, это было? — отложив папку с документами в сторону и привычно расправляя седую, щеголеватую бородку, переспросил Ян Карлович.

— В восемнадцатом, а вот месяц я не сообразил спросить, — виновато пояснил Поликарп Петрович. — А дом такой желтый, трехэтажный. С таким треугольником на фасаде и с колоннами на втором этаже, там вроде что-то типа балкона, — припоминал он вид пичугинского дома.

— Это, получается, за Мойкой? — уточнил старый сыщик.

— Ну да. Между Мойкой и Садовой.

— А вы знаете, Поликарп Петрович, — вскинул голову старик, довольно посверквая глазами, — вспомнил! Это было поздней осенью. Было жутко промозгло, сутки напролет шел снег с дождем, дров почти не было, все мы грелись возле одной горячей печки, тут же готовили еду. Сушили одежду. Запах в помещениях, скажу я вам, был ужасающий... — погрузился в воспоминания Ян Карлович. — Да. Унесло меня куда-то в сторону, — смущался он, виновато улыбаясь. — Так вот, Пичугина убили в собственном доме, ударом в висок. У него такое тяжелое пресс-пальце имелось из яшмы, им и убили. Убили ночью. Старик жил один, кухарка и дворник обитали в собственных помещениях. Кухарка его утром и нашла. Лежал он посреди кабинета, раскинув руки, с раной на голове. Что характерно, замки в доме взломаны не были, стекла не разбиты. Значит, скорее всего хозяин сам впустил своего убийцу. Далее, все в доме было пере-

вернуто вверх дном, но, по свидетельству кухарки, поживиться в доме было нечем, потому как покойного хозяина несколько раз посещали товарищи с мандатами и все ценное, что было в доме, драгоценности, золото, серебро, деньги, давно экспроприировали. Но гость Пичугина все же что-то в доме настойчиво искал. Дело мы тогда так и не раскрыли. Мало ли в то время в городе всякого сброду бесчинствовало? Отпечатки пальцев на месте преступления мы «сняли», но в нашей картотеке обладатель их не значился. Одно время подозревали дворника и кухарку. И даже сына покойного, но ни улик, ни доказательств против них собрать не удалось. Да и мотивов у них не было. Так оно и осталось нераскрытым. А почему вы, Поликарп Петрович, заинтересовались этим делом?

— А вот, Ян Карлович, какая петрушка. Несколько дней назад была ограблена квартира Николая Михайловича Пичугина, сына того самого. Взяли так, ерунду, но вся квартира вверх дном перевернута. А вчера ограбили контору «Кишипромторга», которая располагается во втором этаже того самого дома на Гороховой, что принадлежал старику Пичугину. Взяли опять-таки сущую ерунду, но все в конторе и в лавке на первом этаже перевернуто, даже стены попорчены.

— Значит, вы считаете, что эти два дела могут быть связаны?

— А вам так не кажется?

— Безусловно, связь просматривается. Создается впечатление, что кто-то настойчиво ищет что-то в домах Пичугиных.

— Именно. В нашем случае грабителей было как минимум двое.

— Ну, это объяснимо, убийца старого Пичугина, если это, конечно, он орудует, мог найти себе компаньона. А пальчики вам удалось снять?

— Да, отпечатки имеются.

— А давайте-ка попробуем сравнить ваши образцы с отпечатками из старого дела. Конечно, в те годы отчетность велась крайне небрежно, но картотеку я вел очень тщательно.

— Спасибо, Ян Карлович. А я хочу побеседовать с Николаем Пичугиным, должен же он знать, за чем именно охотятся бандиты.

— Думаю, должен, и побеседовать, безусловно, стоит. Вопрос в другом, пожелает ли он быть откровенным, — с сомнением проговорил старый спец.

— Но допросить его все же стоит.

— И, может даже, понаблюдать. Все же, согласитесь, Поликарп Петрович, что преступник проявляет завидную настойчивость. Потерпев неудачу в восемнадцатом году, он решил повторить попытку в двадцать пятом. И кстати, почему такой большой перерыв? Он был в отъезде? Сидел? Или просто выжидал подходящего случая?

— Да, есть над чем подумать. А кстати, у Николая Пичугина имеются три старшие сестры, по старому делу они у вас не проходили?

— Нет. Одна из сестер проживала с мужем в Москве. И насколько нам удалось установить, ни она, ни супруг Первоустюльной не покидали. Вторая сестра была замужем за художником, учеником отца, проживала на Васильевском острове в казенной квартире Академии художеств. И у нее, и у супруга на момент убийства было алиби, оба были тяжело больны. А вот что касается третьей сестры, самой младшей, ее местонахождение установить не удалось. Ее муж был коммерсантом. Еще летом восемнадцатого они куда-то бесследно исчезли вместе с сыном. Никому из родственников об их судьбе ничего известно не было. Вот так.

— Спасибо. Значит, имеет смысл разыскать всех троих, — сделал себе заметку Поликарп Петрович.

— Попробуйте, коллега. Попробуйте.

Глава 2

20 мая 1925 года, Ленинград

Леля Пичугина шагала по улице, с удовольствием ловя на себе восхищенные взгляды проходящих мимо мужчин и еще внимательнее проезжающих. Веселые бесшабашные рабфаковцы, с белозубыми улыбками, в дырявых штиблетах и с пустыми карманами, не привлекали избалованную Лелечку. Что с ними делать? Семечки лузгать да по подворотням целоваться. Мерси.

Нет, Лелечку привлекали кавалеры состоятельные, а таких вокруг нее было достаточно. Леля Пичугина была девушкой спелой, пышной и к тому же хорошо одетой. Главной слабостью Лели было шелковое белье, она глубоко и искренне сочувствовала тем несчастным, что были вынуждены ежедневно облачаться в безобразные бумажные панталоны, лишенные всякого изящества и утонченности, и носить безвкусные, бесформенные ситцевые сорочки, уродующие фигуру. Так что вор, похитивший большую часть драгоценного Лелечкиного белья, нанес болезненный удар по ее гардеробу.

Стоило подумать, как вернуть утраченное. Нет, не отобрать у воришки, а приобрести новое. Папенька тратиться отказался. Он отчего-то ужасно испугался милиции, велел всем сидеть тихо, не высываться, денег не тратить, одеваться скромнее. Даже мясо запретил на рынке покупать, велел обходить селедкой.

До селедки Леле дела не было, а вот белье...

Надо было искать выход, и в принципе он имелся: давний поклонник Лева Людиновского. Его папа имел собственное дело, какое точно, Леля не знала, но определенно весьма прибыльное, кажется, магазин или даже два магазина. У Левы были деньги, он обожал Лело и всегда был готов осыпать ее подарками. Но вот незадача. Именно сегодня вдруг выяснилось, что кассир Левиного папы ограбил кассу и сбежал в Ялту с какой-то красоткой. Их уже ищут, но папа страшно рассердился, сказал, что ему надоело содержать такую прорву дармоедов, у Левы еще имелся младший брат, и твердо решил женить Леву на дочери хозяина ювелирной лавки Фиме Бляхерович. Совершенно неэффектной толстозадой девице с бородавкой под носом, к тому же старой, осенью ей исполнилось двадцать пять. На фоне перечисленных недостатков у Фимы имелось единственное, но очень весомое достоинство. Ее приданое.

Лева безутешно рыдал, положив кудрявую голову на Лелины колени, клялся в вечной любви и что скорее умрет, чем женится на этой корове. Увы, Левин папа тоже закусил удила и перекрыл сыну всяческое финансирование.

Придется дать Леве отставку и подыскать ему достойную замену. Хотя найти такого состоятельного, сентиментального и наивного дуралея, как Лева Людиновский, дело непростое, размышиляла Леля, постукивая каблучками модных заграничных туфелек по асфальтовой мостовой. Юбка нового шелкового платья модного лавандового цвета игриво вилась вокруг ее ножек, легкое пальто подчеркивало стройность фигуры, а глазки озабоченно стреляли по сторонам.

Буйная весна, ворвавшаяся в город в венке из одуванчиков и с охапкой сирени в руках, располагала к романам. Душистые ветры носились по садам и скверам, кружка горожанам головы, чирикали как сумасшедшие воробы, тенькали синицы, ворковали ошеломленные от любовных игр голуби. Девушки хорошили, мужчины становились отчаянней и щедрее, кипели страсти, назначались свидания. Бурлила молодая кровь. А подхваченная весенним, дурманным водоворотом Лелечка спешила на свидание.

Леля Пичугина была девушкой в меру легкомысленной, в меру кокетливой и... в меру прагматичной, а потому совершенно ясно понимала, что только состоятельный муж раз и навсегда решит ее финансовые затруднения. Главное, правильно его выбрать, не сердцем, оно,

как известно, плохой советчик в важных делах, а умом. И кое-какие соображения на этот счет у Лели уже имелись.

— Лелечка! — протянул навстречу девушке охапку тюльпанов молодой стройный брюнет, в ладно сидящем модном костюме. — Вы прекрасны, как весенний рассвет! Как цветущая сирень, как эти небеса, как сама любовь! — склоняясь к Лелиной ручке содержанной страстью, проговорил кавалер.

Леля зарделась.

С кавалером Лелечка познакомилась несколько дней назад прямо на улице, он прошел за ней по пятам половину Невского, прежде чем решился заговорить. И вполне мог бы быть отвергнут, Леля была очень придирчива в выборе знакомых, но хороший модный костюм, шляпа и стильные ботинки явно импортного пошива говорили в его пользу и, разумеется, букет настоящих оранжерейных цветов. Они познакомились.

Новый знакомый был молод, интересен собой, остроумен, в меру образован, а главное — богат! Он оказался не жмотом, а, напротив, коммерсантом, причем из Москвы.

Обедали они в «Англетере». Домой новый знакомый довез ее на авто. Вечером пригласил в кабаре «Хромой Джо», очень модное местечко! Он был щедр, галантен, влюблен, намекал на серьезность намерений и желал познакомиться с семьей. Леля уже планировала переезд в Москву к мужу и новый гардероб. Образ преданного, нескладного Левы стремительно таял в дымке прошлого.

— Николай Михайлович, где сейчас находятся ваши сестры?

— Мои сестры? — Казалось, его удивлению нет границ. Было заметно, что художник ожидал любого вопроса, кроме этого. — Но при чем здесь они?

— Скорее всего ни при чем, но таковы правила. Мы должны установить местонахождение всех членов семьи потерпевшего на момент совершения преступления, — доброжелательно пояснил Поликарп Петрович, намекая на незначительность вопроса.

— Ерунда какая-то, — недоуменно пожал плечами Пичугин. — Но извольте. Моя старшая сестра проживает с семьей в Москве, там она, очевидно, и находилась в день ограбления. Я не виделся с ней много лет, иногда мы шлем друг другу поздравительные открытки. Вторая моя сестра проживает на Васильевском острове, недалеко от Академии художеств, ее муж преподает живопись. У нас с сестрами большая разница в возрасте. Когда я родился, они уже были взрослыми барышнями, так что близких отношений между нами нет. Последний раз мы виделись год назад на Троицу, отстояли панихиду, потом посетили могилу отца. Но, знаете, должен вам честно признаться, не могу себе представить, чтобы моей сестре, ее мужу или племянникам пришло в голову украсить Лелины панталоны или шубу жены. Согласитесь, это абсурд, — многозначительно улыбнулся Поликарпу Петровичу Пичугин.

— Соглашусь. А кстати, ваши племянники проживают вместе с родителями?

— Нет, что вы! Они уже совсем взрослые люди. Старшему, Василию, вероятно, уже сорок, он тоже художник, женат, имеет детей, проживает где-то на Васильевском острове. Точного адреса не знаю. Младший, Дмитрий, ему, кажется, около тридцати, врач, живет на Выборгской стороне, адреса тоже не знаю.

— А как фамилия ваших племянников?

— Вы их подозреваете? — вытаращился на Поликарпа Петровича Пичугин.

— Ну, что вы. Простая проверка.

— Коневы их фамилия, — сухо ответил Николай Михайлович.

— Благодарю. А что же третья сестра?

— Нина? Она умерла, еще в восемнадцатом. Летом восемнадцатого они с мужем уехали в Польшу. Это случилось как-то вдруг. Мы ничего о них не знали, а в девятнадцатом пришло

письмо от ее мужа. Оказывается, Нина заболела воспалением легких и умерла. Зять с племянниками уехал в Америку. Больше мы от них вестей не имели.

— Гм... Понятно. В таком случае у меня к вам имеется еще один, последний вопрос. Что именно грабители искали в вашей квартире?

— Что искали грабители в моей квартире? Вы имеете в виду, кроме того, что укради? Ну, деньги, вероятно, — вполне правдоподобно пожискал плечами и озабоченно моргал Николай Михайлович. — Может быть, рассчитывали найти какие-то драгоценности? Вероятно, посчитали, что раз мы живем в отдельной квартире, то располагаем какими-то средствами. Но, знаете, мы всегда жили довольно скромно, а то, что у нас и имелось из украшений жены, все было продано и проедено во время голода. А больше ничего у нас не имеется. Я хоть и тружусь, не покладая кисти, так сказать, и денег на жизнь нам хватает, но никаких излишеств мы себе позволить не можем.

«Кроме шелкового белья и шуб», — усмехнулся про себя Поликарп Петрович.

Да и вообще, дочурка у Пичугиных выглядела как картинка из модного иностранного журнала. Разряженная в пух и перья, не студентка, а нэпманская штучка. Жена и сын выглядели скромнее и приличнее.

Николай Михайлович хитрил, и дело было не в нарядах дочери.

— И все же некая фамильная ценность у вас имеется, — твердо проговорил Поликарп Петрович, — иначе зачем грабителям понадобилось залезать в дом вашего покойного отца на бывшей Горюховой.

— Что, в дом отца?

— Скажите, Николай Михайлович, а вы никогда не задумывались, как и почему погиб ваш отец?

— Ну, что же тут задумывать? Время было тревожное. Отец был уже очень стар, жил один в огромном доме. Я его сто раз просил переехать к нам, он ни в какую! Ночью в его дом влезли какие-то бандиты, он, очевидно, услышал шум, пошел взглянуть, что происходит, и вот, пожалуйста. Ужасно.

— Да. Но вот что интересно. Семнадцатого мая грабители наведались в вашу квартиру и перетряхнули ее от пола до потолка, прихватив с собой сущие пустяки, а спустя два дня кто-то влез в помещение конторы «Кишипромторг» на Комиссаровской улице, бывшей Горюховой. Знаете, в чем тут связь?

— Понятия не имею, — равнодушно ответил Пичугин.

— Контора располагается в бывшем доме вашего родителя. Грабители взломали двери, вошли в помещение конторы, ничего там не укради, только перетряхнули ее, затем по черной лестнице пробрались на первый этаж, там сейчас находится винная лавка, также все обыскали, даже стены кое-где попортили, и, украв пятнадцать бутылок спиртного, скрылись. Что вы об этом скажете?

— А что я должен сказать? Хулиганы, скорее всего пьяные, ограбили винную лавку. При чем здесь я? Или вы меня подозреваете?

— Нет. Но я твердо уверен, что вы что-то скрываете, гражданин Пичугин. И убийства вашего отца, и попытка ограбления вашей квартиры, и дело «Кишипромторга» — звенья одной цепи. Я уверен, что грабители ищут какое-то сокровище, принадлежащее вашей семье. На вашем месте я бы честно рассказал, что именно ищут грабители, потому что, учитывая факт убийства вашего отца, они готовы на все. Вы и ваша семья в опасности. — Последнюю фразу Поликарп Петрович произнес тоном опереточного злодея, только что не завыл в конце.

— Мне кажется, вы ошибаетесь, — с виноватой улыбкой возразил Пичугин. — Во-первых, потому, что нет никаких сокровищ, а во-вторых, отца убили шесть лет назад. В то беспокойное время в городе творился суцильный ужас. А ограбление моей квартиры и этого «Кишипромторга» — простое совпадение.

— Ну что ж, гражданин Пичугин, не смею вас больше задерживать. Можете быть свободны, — холодно проговорил Поликарп Петрович, и Николай Михайлович, кланяясь и жалко улыбаясь, стал торопливо пятиться к двери.

Повернувшись к сотруднику Уголовного розыска спиной он так и не решился.

Поликарп Петрович с интересом наблюдал за доктором Коневым, пока сестра развязывала многочисленные узелки на спине его операционного халата.

Доктор был молод, хороши собой, с темными густыми волосами и искристыми веселыми глазами, без халата и шапочки он выглядел сущим мальчишкой.

— Ну, вот, — надевая свежий халат и присаживаясь за рабочий стол, проговорил Дмитрий Алексеевич. — Слушаю вас, товарищ. Вы родственник Лукониной, хотели узнать, как прошла операция?

— Нет, я из Уголовного розыска, — доставая документы, объяснил Поликарп Петрович.

— И что же вам угодно? Разве в больнице произошло преступление? — озадаченно нахмурился доктор.

— Нет, я здесь в связи с ограблением вашего дяди Николая Михайловича Пичугина. Вы с ним знакомы?

— Ну, разумеется. Хотя и не сказать, что близко. У мамы с дядей Колей большая разница в возрасте, но, пока был жив дед, мы регулярно встречались, на Рождество, на Пасху, на дедовы именины.

— И как давно вы видели дядю в последний раз?

— Думаю, года три назад. Да, около того, — задумчиво подтвердил Дмитрий Алексеевич. — Виделись на кладбище на могиле деда. А почему вас, собственно, это интересует? Неужели вы подозреваете меня в ограблении? — с недоверчивым смешком уточнил доктор.

— А вы, значит, не грабили? — не спасовал Поликарп Петрович.

— Господи! Нет, конечно! Что за странные идеи? Я же врач, а не бандит с большой дороги, — на этот раз вполне серьезно возмутился Дмитрий Алексеевич. — Когда произошло ваше ограбление?

— Вашего дядю ограбили около полудня семнадцатого мая, а бывший особняк вашего деда ограбили в ночь с девятнадцатого на двадцатое мая.

— Особняк деда? Про него вы ничего не сказали.

— Говорю сейчас. Так что же вы делали во время ограбления?

— Семнадцатого в двенадцать дня, разумеется, был на службе, это могут подтвердить и персонал больницы, и больные. А ночью девятнадцатого был на дежурстве, здесь же, в больнице. Опять-таки тому есть свидетели. И кстати, раз уж вы подозреваете меня, наверняка подозреваете и брата, — сообразил Дмитрий Алексеевич. — Так вот, могу вас со всей ответственностью заверить, он тоже ни при чем. Что за дикая идея подозревать кого-то из нас в грабеже? — В голосе Дмитрия Алексеевича звучали обида и оскорблена гордость.

— Я никого не подозреваю, — решил не злить понапрасну свидетеля Поликарп Петрович. — Я просто провожу обязательную проверку. Вот и все. А скажите, пожалуйста, Дмитрий Алексеевич, что могли искать грабители в квартире вашего дяди и в бывшем особняке деда?

— Понятия не имею. А что, разве Николай Михайлович не знает, что у него украл?

— Знает, сущие мелочи. Но я думаю, что воры влезли в квартиру вашего дяди, а затем в особняк не ради жалких двадцати рублей, нескольких бутылок водки и шелковых панталон.

— Хм... — усмехнулся Дмитрий Алексеевич. — Панталоны наверняка были Лелины?

— Вы знакомы с Ольгой Пичугиной?

— Да, и с Марией Григорьевной и с Андреем. Они лечатся у меня. Мне кажется, эта идея принадлежит исключительно Марии Григорьевне. Дядя, вероятно, даже не в курсе. У них с

мамой сложные отношения. А Мария Григорьевна считает, что лучше довериться родственнику, чем искать хорошего доктора на стороне.

— А почему у вашей матери с Николаем Михайловичем плохие отношения?

— Я бы не сказал, что они плохие, скорее не очень хорошие, — неохотно пояснил Дмитрий Алексеевич. — Понимаете, они и так никогда не были очень близки, слишком большая разница в возрасте, к тому же мама недолюбливала вторую жену деда. Мать Николая Михайловича. А потом еще наследство... Мама очень обижалась на деда. Но винила во всем дядю.

— А какое наследство?

— В том-то и дело, что никакое. Понимаете, дед был очень богатым человеком до революции, — без всякого смущения пояснил Дмитрий Алексеевич. — Он был художником. Причем очень успешным, точнее, даже модным, писал портреты всякой знати. Хорошо зарабатывал. Когда мама выходила замуж, она получила приличное приданое, но отец, тоже, кстати, художник, был всего-навсего скромным преподавателем Академии художеств, жили в нашей семье всегда скромно, и мама, вероятно, скучала по прежнему достатку. Но дед был человек прижимистый и суровый, состоянием делиться не желал, щедрых подарков не делал, и мать очень надеялась рано или поздно получить наследство. Но грянула революция, частную собственность и деньги у всех отобрали, точнее, экспроприировали, а деда вообще убили грабители. Так что ничего нам не досталось, — с беззаботной усмешкой пояснил Дмитрий Алексеевич. — Но мама почему-то вбила себе в голову, что дед все ценности спрятал, а место сообщил дяде, Николаю Михайловичу, как единственному сыну и наследнику. Или вообще просто отдал. По маминым рассказам, у деда хранились драгоценности ее матери, всякие там ожерелья, серьги, перстни и прочее, драгоценности ее бабки, бриллианты, изумруды, сапфиры. Я признаюсь, ничего подобного у деда никогда не видел, но мать говорит, они хранились в сейфе. Лично я сомневаюсь, что дед успел все это спрятать, он сам говорил, что к нему несколько раз приходили какие-то вооруженные люди с мандатами и все, что было ценного в доме, вынесли.

— Но если ваша мама верит, что этот клад существует, может верить и кто-то еще? — логично предположил Поликарп Петрович.

— Ну, не знаю. А кто, например?

Но Поликарп Петрович на его вопрос не ответил, а задал свой:

— Скажите, где сейчас находятся сестры вашей матери?

— Ну, это вам точно не поможет, — отмахнулся Дмитрий Алексеевич. — Тетя Нина умерла. Они с мужем летом восемнадцатого уехали в Польшу, у него там был завод и имение, а потом тетя Нина умерла, а ее муж с детьми уехал в Америку.

— Откуда вам это известно?

— В девятнадцатом году нам пришло письмо с американским штемпелем от Станислава Яновича, в котором он все объяснял. В Америке у него есть свой бизнес, весьма успешный. Он также писал, что возвращаться на родину не собирается. С какой стати он бы стал врать?

— Ну а вторая ваша тетя?

— Тетя Саша? Она сразу после замужества уехала в Москву, мы не виделись лет десять, если не больше. Она иногда пишет маме. Тетя Саша — старшая из сестер.

— А дети у нее есть?

— Да. Дети есть, — чутко раздраженно проговорил Дмитрий Алексеевич. — Дочь, арфистка, играет в оркестре Большого театра. И сын, профессор математики, ему уже за пятьдесят, а дочери, кажется, лет сорок с хвостиком. Уважаемые люди, у профессора уже внук имеется. Сомневаюсь, чтобы им вдруг пришло в голову приехать в Ленинград с целью ограбить дядю. Украдь Лелькины панталоны! Бред! — фыркнул он возмущенно.

— Я еще раз объясняю, это простая проверка. А кстати, почему вы считаете, что драгоценности семьи не перешли к вашему дяде? Как мне кажется, живут они неплохо.

— Неплохо. Тут вы правы. Но дело не в дедушкиных бриллиантах, а в том, что Николай Михайлович работает с утра до ночи. Он очень удачливый и трудолюбивый человек. Это у нас семейное. И потом, как мне кажется, если бы у дяди остались какие-то ценности, Леля бы давно уже все спустила на свои шляпки-тряпки.

— Я вижу, вы хорошо знакомы с двоюродной сестрой.

— Не так уж и хорошо, я лечил ее раньше, но вот уже год, как я ее не видел. То ли не болеет, то ли повзросла. Может, смущается, — улыбнулся Дмитрий Алексеевич. — Знаете, некоторые дамы стесняются раздеваться перед молодым доктором. Хотя... Лелю к числу скромниц не отнесешь. Очень современная девица, напрочь изжившая из себя все буржуазные предрассудки.

— Вы имеете в виду, что она потеряла всякий стыд? — без всякой шутливости уточнил Поликарп Петрович.

— Можно сказать и так. Вы ее видели?

— Да, имел удовольствие, — усмехнулся Поликарп Петрович.

— Меньше всего эта девица походит на советскую студентку. Скорее уж на нэпманскую вертихвостку или буржуйку недобитую, а еще точнее, женщину легкого поведения. И ведет себя соответствующе. Я уже намекал Марии Григорьевне, что они ее очень распустили и неплохо бы ей устроить хорошую порку. Но родители совершенно не в состоянии прибрать ее к рукам. О чем, безусловно, потом пожалеют. А какие у нее знакомства? Студенты, ровесники ей неинтересны. Она предпочитает состоятельных кавалеров, не удивлюсь, если жена-тых, постоянно бывает в ресторанах, в кабаре и прочих сомнительных заведениях. Увлеклась театром, занимается в какой-то театральной мастерской со странным названием «ФЭКС», об этом мне Мария Григорьевна рассказывала. Я полюбопытствовал, что это за «ФЭКС» такой, и знаете, что за лозунги они провозглашают? «Лучше быть молодым щенком, чем старой райской птицей» и «Мы все искусство кроем матом. Мы всем экранам шлем ультиматум!». А? Каково? — взглянул он на Поликарпа Петровича, ожидая безоговорочной поддержки, — тот, не поняв ничего из вышесказанного, на всякий случай твердо кивнул. — По мне, так обычновенные хулиганы. Руководят ими некие Козинцев и Трауберг, снимают какие-то бездарные фильмы, Лелька даже несколько раз отметилась в массовке. Мария Григорьевна водила меня на премьеру в числе прочих знакомых. А как она вела себя у меня на приемах? Разденется догола и давай красоваться! Нет, тело у нее, безусловно, соблазнительное. И вообще, она девушка весьма привлекательная, но это же неприлично! К тому же мы родственники. А как она одета? А как накрашена? В ее возрасте! Она похожа не на юную, порядочную девушку, студентку университета, а на женщину полусвета, если вы понимаете, о чем я.

Поликарп Петрович понимал, а еще отчего-то ему пришло на ум, что благонравный Дмитрий Алексеевич просто неравнодушен к своей сестре. И мучит его не праведный гнев, а прозаическая ревность. Но это все лирика, не имеющая отношения к делу. А вот сомнительные знакомства Лели Пичугиной к делу вполне могли иметь самое прямое отношение.

Глава 3

21 мая 1925 года, Ленинград

— Поликарп Петрович! Добрый день! А я вас с самого утра жду, — радостно бросился навстречу коллеге Ян Карлович. — Я сверил отпечатки пальцев со всех трех ограблений. Продидел вчера весь вечер, сравнил самым тщательным образом.

— И что, есть совпадения?

— Да! Идемте в кабинет, я все вам расскажу. Вот, смотрите, это карточка с образцами отпечатков восемнадцатого года, а вот пальчики из квартиры Пичугина, снятые пять дней назад. Взгляните, средний и указательный пальцы, а вот большой палец левой руки. Видите? Пальчики одни и те же!

— Ян Карлович, да вы просто молодчина! Теперь связь этих преступлений можно считать доказанной!

— Погодите радоваться, это еще не все! — хитро улыбаясь, проговорил пожилой спец. — Когда стало ясно, что отпечатки из «Кишипромторга» и винной лавки не совпадают с отпечатками, снятыми в квартире Пичугина, я поработал с картотекой и вот что раскопал.

— Веняка Щуплый?

— Именно. Широко известный в узких кругах фортовичик и домашник. Начинал еще при царе-батюшке, имел несколько судимостей, в шестнадцатом году в очередной раз покинул казенную квартиру и с тех пор гуляет по нашей необъятной Родине. Любимые города Петербург, извините, Ленинград и Москва, но не брезгует и Ростовом, Казанью, Одессой, прежде наведывался в Астрахань, после крупного дела любил сесть на поезд и прокатиться на море.

— Думаете, преступник номер один, назовем его пока так, привлек Веню как специалиста, не полагаясь на собственные силы?

— А почему бы и нет? Вы же выдвигали версию, что номер первый может быть родственником или бывшим служащим покойного старика Пичугина. Значит, опыта взлома у него нет. Не удивлюсь, если и в квартире Николая Пичугина они тоже действовали сообща. А знаете, что самое замечательное в этом деле?

— Мы можем взять Веню Щуплого?

— Как вы догадались? — чуть прищурив Ян Карлович.

— Просто ничего другого в голову не пришло, — улыбнулся Поликарп Петрович, проходясь пятерней по редеющим седым волосам.

Он был еще не стар, но жизнь, фронт, ранение, Гражданская война, голод, а еще прежде тюрьма, сидел он по политической статье еще в юности, сделали свое дело. Голова Поликарпа Петровича была седа, плечи чуть ссутулены, а под вечер начинал напоминать о себе осколок в правом бедре. Так-то вот. Все эти приметы близкой старости и дряхлости пугали деятельного Поликарпа Петровича до ужаса. Его горячая, непоседливая натура требовала движения, борьбы, а организм то и дело одергивал, не спеша, мол, присядь, переведи дух.

— Да, вы правы, — вздыхая, согласился Ян Карлович. — Веню мы взять можем. Во-первых, мы знаем, кого ищем, во-вторых, я знаю несколько «малин» на Лиговке, где Веня прежде любил бывать, ну, и наконец зазноба у него есть, почти жена. Он ее еще девчонкой из дома терпимости выкупил, пожалел сироту. Отдал старухе одной на воспитание, платил за нее исправно, а когда подросла, любовь у них случилась нешуточная.

— И вы знаете, где эту зазнобу искать?

— Прежде был у нее домик на Васильевском острове. Если повезет, там и отыщем. Только идти к ней с разговором бесполезно. Веняку она ни за что не сдаст, скорее сама сядет, так что лучшее всего засаду устроить. А можно еще подослать кого-нибудь на разведку. Вон,

Соломина. Он хоть и молодой сотрудник, но сообразительный. И внешность у него не опасная, главное, легенду придумать, зачем он к ней придет.

— Дом у нее свой? Может, дрова привезти? Раздобудем ему воз, а?

— Это в мае-то месяце? — усмехнулся Ян Карлович. — Нет, Поликарп Петрович, тут нужно железную легенду придумать. Девица у Веньки не промах, я же говорил. Он ее сам воспитывал, ее на мякине не проведешь. Тут как следует подумать надо, и вообще, может, и не стоит Соломина посыпать, молод еще, может не справиться, может, лучше мне самому пойти?

— Ну, уж нет. А вдруг она вас узнает?

— Тоже верно, — вздохнул разочарованно Ян Карлович. — Хоть и постарел я за эти годы, а все же, кто знает? Тогда, может, вам?

— Может, и мне. Я девицу эту в глаза не видел, как, кстати, ее зовут? — оживился Поликарп Петрович.

— Апраксина Варвара Тимофеевна. Сейчас ей лет тридцать должно быть. Или около того.

— Так вот, ни она, ни Венька меня знать не знают.

— Правильно. Вот только как бы вас туда подослать, да чтоб в избу?

— А что мудрить? Представлюсь новым заведующим санитарной станции, хожу с проверкой по частному сектору на предмет зараженности домов насекомыми. Тараканами, блохами и прочими паразитами. А? Документ раздобудем, официальный, с печатью, пусть попробует не пустить.

— Да, идея хорошая. Так и надо сделать. Только идти все же лучше мне, усы приклею, авось не узнает. Видела она меня раз, от силы два.

— Нет, Ян Карлович, рисковать не будем. Я пойду, — остановил его Поликарп Петрович.

Дом Варвары Апраксиной стоял на Тринадцатой линии между Средним и Малым проспектами, небольшой, в четыре окна с резными наличниками и украшенным деревянным круженовом мезонином. Высокий плотный забор, доска к доске, начинался от самого угла дома и тянулся до соседнего, более хлипкого забора. Из-за забора выглядывала крытая железом крыша то ли бани, то ли сарай.

— Крепкое хозяйство, — глядя на дом Апраксиной с противоположной стороны улицы, заметил Поликарп Петрович.

Они с Яном Карловичем и Соломиным засели в доме напротив, невзрачном многоквартирном строении, покрытом бурой потрескавшейся штукатуркой, куда вошли через черный ход с другой Линии.

— Эх, жаль, занавески задернуты, не видать ничего, — сопел, прижавшись к стеклу, Андрей Соломин.

— Ты не очень высовывайся, не хватало, чтобы тебя заметили, — цыкнул на него Поликарп Петрович. — Пойду я, пора. А вы с Яном Карловичем будьте начеку, мало ли что? А вдруг Венька у нее гостит, мало ли что может выйти, может, брат придется. Оружие держите наготове.

Поликарп Петрович, выйдя из парадной, еще большие ссутулил плечи и, сдвинув на макушку кепку, с озабоченным видом заглянул в листок ведомости. Эту ведомость они заранее подготовили, вписав в нее номера домов, квартир, фамилии жильцов и сделав против них различные пометки.

Сложив аккуратно листок, Поликарп Петрович засунул его в папку и двинулся на другую сторону улицы.

Собаки у Варвары Апраксиной не было, а потому Поликарп Петрович, привстав на цыпочки, беспрепятственно отодвинул на калитке задвижку и проник во двор.

Двор был небольшой, чисто выметенный, за домом виднелись свежескошенные грядки, у крыльца стояла старая деревянная кадушика, на веревке мирно сохло выстиранное белье. Простыни, пододеяльники, женское исподнее и ситцевая юбка.

Осмотр двора занял у Поликарпа Петровича меньше минуты, а затем он тихонько подкрался к приоткрытыму оконцу и, замерев на месте, прислушался.

В доме было тихо, даже слышно, как ходики тикают. Затем раздались легкие шаги, какое-то хозяйственное шебуршание. Тянуть дальше было опасно, и, тихо вернувшись к калитке, громко прокашлявшись, Поликарп Петрович крикнул:

— Хозяева, дома, что ли? Гражданка Апраксина Вэ Тэ имеется?

Дверь в тот же миг распахнулась, на пороге возникла фигура.

Варвара Апраксина была невелика ростом, ладная, с яркими живыми глазицами, убранными в узел густыми темными волосами, в простой белой блузке и темной юбке, в каких обычно ходят на службу молодые девицы. А лицо у Апраксиной было умным и даже красивым. Не такой представлял себе маруху Вени Щуплого Поликарп Петрович.

— Вы будете гражданка Апраксина? — постным голосом уточнил Поликарп Петрович, снова доставая ведомость.

— Я. А вы по какому делу? Вы откуда?

— А я новый начальник районной санитарной станции. Очинин Поликарп Петрович. Вот пожалуйте документ, — достал Поликарп Петрович заранее заготовленную бумагу. — Привезу поголовную проверку домов, квартир, комнат, подвалов и прочих жилых помещений на предмет выявления паразитов, как то тараканы, клопы, блохи, чтобы выявить объем заражения, составить план работ по борьбе и полному выведению насекомых. Извольте проводить в помещение, — без всякого выражения оттарабанил Поликарп Петрович, убирая обратно в папку документ и доставая из кармана замусоленный карандаш.

— У меня нет в доме никаких паразитов. Так что можете себе это отметить, а в дом я посторонних не вожжу, — твердо заявила Варвара Тимофеевна, готовясь захлопнуть двери.

— Пардон, гражданочка. Я на слово верить не уполномочен, зато у меня имеется постановление о необходимости выявления, а в случае, коли граждансане будут сопротивляться, имею право прибегнуть к помощи милиции. Потому что борьба с паразитами в рамках общесоюзной борьбы за санитарную и гигиеническую дисциплину имеет первостепенное значение, — двинулся на Варвару Тимофеевну Поликарп Петрович, тыкая в нее карандашом и пылая праведным гневом.

Как и рассчитывал Поликарп Петрович, упоминание милиции произвело на Апраксину должное впечатление. Она поколебалась несколько минут, затем неохотно открыла перед «начальником станции» дверь.

— А что же вы такой большой начальник сами по домам ходите? — поинтересовалась она в сенях.

— А кого пошлеши? Работники — народ безответственный, к тому же возмутительно пьющий. Потому что работа у нас по травле очень вредная для организма, а алкоголь он весь яднейтрализует, вот и приходится принимать, — вздохнул сокрушенно Поликарп Петрович, входя в комнаты. — Одна проживаете?

Апраксина тут же сверкнула глазами, а лицо ее словно застыло.

— Коты, собаки имеются? — тут же поспешил успокоить ее Поликарп Петрович.

— Нет у меня ни котов, ни собак, — все еще настороженно проговорила хозяйка.

В комнате было чисто, очень чисто, и строго. Свежесбеленная печь, буфет, умывальник, ничего лишнего. Белые хрустящие занавески на окнах, тонкая кисея для красоты. Ни герани, ни слоников, только иконы в углу.

Поликарп Петрович на них смузленно кашлянул.

— От бабушки достались. Умерла недавно, — сухо пояснила девица, Поликарп Петрович кивнул.

Подошел к оттоманке с вышитыми подушками и валиками. Заглянул за валики, за подушки, удовлетворенно крякнул. Потом вернулся к буфету, распахнул и его.

Засунул нос на полки. В буфете, как и в комнате, царил идеальный порядок. Никаких недопитых рюмок, недоеденных тарелок.

— Пройдемте дальше, — распорядился Поликарп Петрович, сделав в ведомости какую-то отметку, и двинулся к ведущим в глубину дома дверям, украшенным задернутыми занавесками темного бархата. Жила Апраксина небедно.

— А что там смотреть? Неужели и так не видно, что у меня чисто? Или вы собираетесь мою постель перетряхивать? В комоде рыться?

— Всенепременно. Как по протоколу положено, — сухо, решительно ответил Поликарп Петрович и, не дожидаясь ответа, стремительно шагнул за плотные занавески.

Он бы и не заметил скрючившуюся под одеялом щуплую фигурку, если бы только специально не рыскал по комнате глазами в поисках Вени. Тот и правда был чрезвычайно худ, мал ростом, но зато невероятно проворен.

Не успел Поликарп Петрович, приглушиенно вскрикнув, отбросить папку и полезть за наганом, как Веня, еще секунду назад преспокойно спавший, вскоцил с кровати и, оттолкнув в сторону замешкавшегося Поликарпа Петровича, вылетел из избы.

Бравый ссыщик даже пальнуть ни разу не успел. Помчался за Веней вдогонку, куда там! Апраксина повисла на руке, как пудовая гиря, с места не свинешься. А хватка у девицы такая, словно она целыми днями подковы гнет. Насилу вырвался. Но когда на двор выскочил, Вени уже и след простыл. И бежал он, видать, не к воротам, калитка как была заперта, так и есть. Значит, через забор махнул, дворами ушел.

Эх, завалил такую операцию! Повел себя, как мальчишка. А ведь был уговор, если Веня у крали своей гостиной, ничего не предпринимать в одиночку. Подготовить облаву, установить слежку за домом. А он? Стыд, да и только.

Гнаться за Веней по незнакомым дворам и подворотням было бессмысленно, всем известно, что Васильевский остров можно дворами насквозь пройти.

— Гражданка Апраксина, вы задержаны за укрывательство опасного преступника Вениамина Шмакова. Извольте проехать со мной, — возвращаясь в дом, хмуро сообщил хозяйке Поликарп Петрович.

В Уголовный розыск ехали молча. Поликарп Петрович мучительно переживал свой превал, стыдясь смотреть в глаза товарищам. Андрей Соломин изредка сочувственно косился на начальника, который, можно сказать, при жизни стал легендой ленинградского сыска. А Ян Карлович то и дело коротко, недовольно покашливал, не имея возможности высказать накипевшее в присутствии задержанной.

Варвара Апраксина сидела на бричке между Поликарпом Петровичем и Андреем Соломиным. Ерзала. Ругалась. То и дело пихала их локтями в бок. Да еще кобыла попалась какая-то неживая, еле доехали.

— Ну, так что же, гражданка, так и будем запираться? — в который раз спрашивал задержанную Поликарп Петрович.

— Не знаю, о чем вы говорите, — глядя в глаза Поликарпу Петровичу, в который раз отвечала Апраксина. — С этим человеком я несколько дней назад познакомилась, сказал, что в Московском угольном тресте работает, командировочный. А как и с кем я свое свободное время провожусу, не ваше дело. Я честная советская служащая, работаю в редакции, оклад имею, профсоюзные взносыплачиваю и имею право на удовлетворение своих женских потребностей.

Тут Апраксина была совершенно права. Придраться к ней было не за что, а доказать ее длительную связь с уголовником Венькой Щуплым надо было еще постараться. Никаких документов на этот счет в архиве Уголовного розыска не имелось. Вот и выходило, что надо отпускать девицу на все четыре стороны, да еще и с извинениями.

Поликарп Петрович выругался про себя и, украдкой взглянув на сидящего в углу с высокомерным видом Яна Карловича, подписал Апраксиной пропуск.

— Ну, что скажете, Поликарп Петрович, где теперь Веню искать будем? — спросил сухо Ян Карлович, едва за Апраксиной закрылась дверь.

И хотя голос его звучал прохладно и выдержанно, но по плотно сжатым губам и выставленной вперед трости было ясно видно, что старый спец едва сдерживает бушующее внутри разочарование.

— Простите, Ян Карлович, дурака свалил, — вместо ответа на вопрос повинился Поликарп Петрович. — Затмение какое-то накатило, когда увидел его лежащим на кровати. Самому стыдно, так проколоться! — В голосе сыщика звучало столько горечи и раскаяния, что Ян Карлович тут же смягчился.

— Ладно, Поликарп Петрович, со всяким может случиться. А с Веней еще не все потеряно. Отышется. Хотя побегать придется. И еще, клад Веня с компаньоном так и не нашли, а значит, мы о них еще услышим, и встретиться с ним наверняка придется. Никогда не поверю, чтобы Веня удовлетворился двадцатью рублями и несколькими бутылками водки. Не того полета птица. А вот в чем мы и правда маху дали! — хлопнул себя по лбу Ян Карлович. — Надо было не отпускать девицу Апраксину, а обыск у нее устроить, бельшико-то кружевное Веня наверняка для нее прихватил!

Поликарп Петрович, не говоря ни слова, вскочил со стула и выскочил из кабинета.

Белье нашли и изъяли, но толку от этого все равно никакого для следствия не было, потому как Апраксина продолжала утверждать, что с Венькой знакома недавно, откуда взял белье, знать не знает. Тупик.

За домом ее установили наблюдение, но Ян Карлович сказал, что Венька сюда в ближайшее время ни за что не сунется. Слишком осторожен.

А потому пришло заняться кабаками, трактирами да «малинами» на Лиговке и на Выборгской стороне, а также проверить прежних друзей Веньки Щуплого, тех, что на свободе обретались.

Про семейство Пичугиных Поликарп Петрович на время забыл, не до того было.

— Поликарп Петрович, — влетая в кабинет с лихо заломленной на затылок кепкой, весело посверкивая глазами, проговорил Андрей Соломин, — вычислили мы, кажется, жука этого, Веньку Щуплого. По сведениям одной девицы легкого поведения, вчера вечером она гуляла с Веней в одном домишке на Выборгской стороне. Дом принадлежит вдове Степана Угрюмого, бывшего медведжатника. Я навел справки. Вдова эта живет в своем доме, вместе с внуком, сдает комнаты, похоже, все большие блатным. Тем и кормятся.

— Молодец, Соломин. Нам бы теперь маху не дать, — краснея, проговорил Поликарп Петрович.

— Не дадим, Поликарп Петрович, — горячо пообещал Соломин, преданно глядя на начальство.

— Вот и ладно. Из наших за домом кто-нибудь наблюдает?

— Михаил Сапожников через дорогу в трактире сидит, а сейчас ему на смену Захара Стругачева послал.

— Хорошо. Вечера ждать не будем, поедем сейчас. Собирай ребят, — вставая из-за стола и проверяя оружие, распорядился Поликарп Петрович.

Машину остановили за три квартала. Бойцов оставили в кузове, а Соломин с Поликарпом Петровичем двинулись на разведку, рекогносцировку на местности произвести.

— Плохонький домишко, — разглядывая ветхое покосившееся строение, заметил Поликарп Петрович.

— А с чего ему крепким быть? Бабка с внуком живут. Хозяин лет десять как упокоился. Да и то дома редко бывал. Сидел часто, — со смешком проговорил Андрей Соломин. — Перебиваются, как могут, а дом он, ясное дело, руки хозяйской требует. Внук тоже, считай, сирота. Отец сидит за грабеж, мать лет пять как померла.

— Большой мальчишка?

— Лет двенадцать. Шустрый. Такому палец в рот не клади.

— А ты откуда знаешь? — подозрительно прищурился Поликарп Петрович.

— Да вы не волнуйтесь, я к нему и близко не подходил. Ребяташки рассказали. А они не проболтаются. Они с другой улицы, с местной шпаной только дерутся, но знают всех хорошо.

— Ладно. Давай людей расставлять, пока снова не прокололись. Как думаешь, в какой части дома Венька может быть?

— Вон те два оконца с угла. Говорят, бабка Анфиса эти комнаты сдает.

— Повезло, что окно приоткрыто, — порадовался Поликарп Петрович. — Вы с Захаром в двери, ребят под другими окнами распределите, возле калитки двоих и позади дома, а я уж в окно!

— Поликарп Петрович, может, лучшие я в окно, мне оно сподручнее будет, — смущенно отводя глаза, предложил Соломин.

— Боишься, не влезу? — не обиделся Поликарп Петрович. — Не боись. Это я только с виду такой ветхий.

Все прошло как по маслу.

Первым в комнату ввалился Поликарп Петрович. А через пару секунд нагрянули с револьверами в руках Соломин со Стругачевым.

Венька сидел за накрытым столом среди пустых бутылок, положив хмельную голову на руки, и даже не шевельнулся.

— Ну все, Веня, пора просыпаться. Попался, — спокойно сказал Поликарп Петрович, убирая за пояс револьвер.

Он толкнул за плечо спящего уголовника, и тот стал мягко заваливаться на бок.

— Ох, ты ж, едрена мать! — зло выругался Поликарп Петрович.

Венька был окончательно и бесповоротно мертв.

— Как же так? Отчего же? — недоуменно хлопая густыми, по-девичьи длинными ресницами, спросил Соломин.

— Вот и мне интересно, от чего? — прощедил сквозь зубы Поликарп Петрович, переворачивая Веню вверх лицом.

Никаких ранений, ни ножевых, ни огнестрельных, на Вене не было. Был он целехонький, только абсолютно мертвый.

— Может, сердце? — робко предположил Соломин.

— Сомневаюсь.

— Да, не-е, — протянул Захар. — Самогону небось нахлебался хрено-вого, вот и помер. А может, керосину вместо спирту глотнул? — принял он обнююхивать стоящие на столе бутылки.

Глава 4

26 мая 1925 года, Ленинград

— Ну, я хозяйка, — зло отвечала сгорблена, темная лицом старуха, продолжая возиться у печи, недовольно гремя чугунами. — И чего? Мой дом, кого хочу, того пускаю. Мне деньги нужны, кто платит, тому и сдаю, документов не спрашиваю. Мне вона мальца расстить надо, сирота. Мать померла, а отец посаженный. С чего нам обоим кормиться?

— Вы когда к жильцу своему заходили? — укоризненно спросил Андрей Соломин, за что тут же получил от Поликарпа Петровича жесткий взгляд. Не лезь, куда не велели.

— Что мне к немуходить? Мне шестьдесят годков стукнуло, вона половины зубов нет. К нему небось и помоложе девки ходят.

— Вы, гражданка Угрюмова, не очень-то огрызайтесь, нам про ваше семейство все отлично известно, и про мужа вашего медведя-стника, и про зятя, вора и грабителя.

— Про мужа моего не вам теперь судить, его теперь Бог рассудит, а зятя своего я годов десять не видела. Так что пугать меня нечего. А за жильцами своими не слежу. Привычки не имею.

— Ладно, Анфиса Ивановна, — словно сдуваясь, проговорил Поликарп Петрович, садясь у стола. — Давайте полюбовно договоримся, и нам хорошо, и вам не плохо. Хватит грохотать, садитесь и скажите мне, когда вы последний раз жильца своего видели? Только давайте начистоту. Вас с внуком мы ни в чем не подозреваем, но до правды дознаться надо. Давайте, не упрямьтесь, к чему вам с нами в УГРО ездить, допросы, протоколы? А?

— Ладно, — вытирая о засаленный, прокопченный фартук руки, согласилась старуха. — Скажу уж, чего мне. С утра его видела. На стол накрыла. А внук мой Егорка за самогоном ему в лавку сгонял. Веня денег дал, он и сбежал. Сам никуда не выходил, на койке валялся. Вчера к нему деваха приезжала, Нюрка-Щеголиха, до самой ночи гуляли, потом Нюрка уехала, а он спал. А сегодня с утра похмельем мучился. Бутылки в комнате еще со вчерашнего валялись. Сегодня Егор только одну пол-литру принес, — перебирая край фартука, рассказывала старуха. — Я к нему без дела не лезла. А потом я в лавку за керосином ходила, да в церкви зашла свечку поставить за помин души дочери моей Клавдии, сегодня как раз пять лет было, как преставилась. Пришла, Егорка говорит, к жильцу дядька какой-то приехал на извозчике. Ну, мне чего? Послушала. Не шумят, и ладно. Ушла в огород, Егор тоже куды-то побег. Так что гость этот, видно, без меня ушел. Потому, когда я с огорода вернулась, за стенкой совсем тихо было. Ну, думаю, может, напились и дрыхнут, а может, гость ушел? А тут и вы нагрянули. Вот и весь рассказ.

— Вспоминайте, Анфиса Ивановна, гость когда пришел?

— Да, говорю же, не при мне было. Внук видел.

— А внук где?

— Да тута должен быть, — повертела повязанной темным платком головой старуха.

— Соломин, посмотрите.

— Да, тут он, во дворе в ножички играет.

— Ну, парень, вспоминай, кто к вашему жильцу сегодня приходил? — усадив за стол худого, вертлявого мальчишку, с острыми, юркими неприятными глазками, строго спросил Поликарп Петрович.

— Да кто-то приходил, — не спеша ответил разбойник, косясь на бабку карим глазом.

— Ты мне не крути, говори, как есть, — одернул его Поликарп Петрович.

— А то что? — нахально спросил малец, не больно-то пугаясь.

«Да такого тертого калача за рубль двадцать не купишь», — сообразил Поликарп Петрович, а вслух важно сказал:

— Ничего. Придется думать, кто, кроме этого человека, мог жильца вашего убить? Дело-то раскрывать надо, ты же человек опытный, должен понимать. Венька не сам умер, кто-то отвечать должен.

— Да ладно, не сам! Я же видел, как его на подводу грузили, — оскалился Егорка. — Кому другому расскажи.

— Э нет, дружок. Убили Веню. Не топором, конечно, по голове, но на тот свет пристроили. А кроме вас с бабкой, в доме никого с утра не было, сами же и рассказали.

— Я смотрю, горазд ты врать, — хмуро заметил Егор, глядя с неодобрением на Поликарпа Петровича. — Сам же сказал, что человек к Веньке приходил, а говоришь — никого не было.

— Может, приходил, а может, и нет. Я-то его не видел, — лениво заметил Поликарп Петрович.

— Я видел, — неохотно проговорил Егор, шмыгая носом. — На извозчике прикатил. Худой такой, чернявый.

— Ты смотри, какой приметливый, — похвалил его Поликарп Петрович.

— А то, — буркнул, стараясь не подать вида, как ему польстила похвала, Егор. — А нос у него костистый, крупный такой нос, — постарался он показать на себе. — И глаза, как два жука, и все ворочаются.

— Молодец. А лет ему сколько, как считаешь?

— Не знаю. Не старый еще, — дернул худыми плечами Егор.

— А росту какого?

— Ну, пожалуй, с тебя будет, может, чуток повыше.

— Значит, среднего. А одет в чем был?

— В шляпе. Волосы я разглядел, когда он шляпу снял и лоб промакивал, — пояснил Егор. — В костюме и штиблетах.

— Ну а как бы ты его вообще охарактеризовал, ну, на кого он похож? Ну, нэпман, служащий...

— Да фраер он, сразу видно, из бывших. И с извозчиком этак ласково, «голубчик».

— Ты и разговор его слышал.

— Ну да.

— А дальше что?

— Он извозчика за два дома оставил, а я тогда как раз у Васьки был, мы с ним в «орлянку» играли. Видел, как он подъехал и у Васькиного дома встал. Я еще думаю, кто это к нам пожаловал, а тот извозчику велел обождать и вдоль по улице двинул, ну, я за ним. Куда это, думаю? А он к нам. Я его у калитки и обогнал. «Куда это вы, гражданин?» А он так это вежливо: «А я, — говорит, — к Вене, по делу, к жильцу вашему», — и шмыг мимо меня в калитку, юрко так. Я за ним. Он прямиком к Веньке, как к себе домой, поздоровались и бубнить стали, не разберешь чего, потом бутылками гремели, я уж слушать не стал, назад к Ваське побег.

— Когда он приезжал?

— Думаю, часов около десяти, у Васьки в избе ходики с кукушкой, она как раз перед тем десять часов прокуковала. Мы с Васькой смотреть бегали.

— У человека этого в руках было что-то? Сверток. Или, может, портфель, или еще что-нибудь?

— Нет, ничего. А палка была, трость, в смысле. Но так, для понту. Он не хромой вовсе.

— Ну, что мы, товарищи, имеем по делу? — мрачно спросил коллег Поликарп Петрович и сам же ответил: — Дырку от бублика. Было у нас два подозреваемых по делу об ограблении квартиры художника Пичугина, винной лавки и конторы «Кишинпромторга». Одного из них нам дважды удалось выследить. Первый раз мы его упустили, а второй раз опоздали. Обошел нас его напарник. Я так думаю.

— Да, — кивнул Ян Карлович. — В заключение патологоанатома точно написано: отравление мышьяком. Все очевидно. Единственный человек, кто мог опознать второго фигуранта по обоим ограблениям, был Венька, вот его и убрали. Я думаю следующее. Этот усатый тип, что приезжал к Вене и, очевидно, убил его, есть организатор обоих преступлений. Он нашел Веню, подбил его на дело, пообещав долю, а узнав, что мы вышли на след Вени, убрал ненужного и опасного свидетеля. Все, что у нас теперь осталось, это отпечатки пальцев, — развел руками Ян Карлович. — И вот еще что: если исходить из того, что этот же человек был причастен к убийству старого Пичугина, можно смело предполагать, что это человек — близкий к семье Пичугиных. Знакомый, родственник, кто-то из числа бывшей прислуги. И в этом случае доказать его участие во всех трех преступлениях будет крайне сложно, поскольку он вообще мог бывать в доме Пичугиных или до сих пор в нем бывает. Надо отрабатывать круг знакомых семьи. Что вы думаете на этот счет, Поликарп Петрович?

— Думаю, вы правы. И лично я займусь окружением дочери Николая Пичугина. По свидетельству племянника Пичугина, доктора Конева, девица имеет весьма сомнительные знакомства.

— Прекрасно. А я займусь бывшей прислугой старика Пичугина. Надо разузнать, кто из них жив и где сейчас обретается.

— Да, и надо разузнать, кто, помимо членов семьи, мог знать о спрятанных стариком Пичугиным сокровищах. И кстати, обратите внимание на председателя домового комитета, некоего Штучкина. Он хоть под описание нашего долговязого подозреваемого и не подходит, зато вырос в доме Пичугиных. Его мать служила кухаркой у Пичугина-старшего, они всю жизнь прожили во флигеле старого дома Пичугиных. Очень сообразительный, скользкий субъект, может быть полезен. Андрей, — обратился к Соломину Поликарп Петрович. — Ты постарайся установить алиби всех племянников и племянниц Пичугина. Сестры его уже староваты для таких дел, зятя тоже, а вот племянники и их дети дело другое. Свяжись по телеграфу с московскими товарищами, пусть помогут. Захар и Мария Сапожниковы займутся знакомыми семейства Пичугиных. Особое внимание высоким седеющим брюнетам. Если таковые отыщутся, будем предъявлять их мальчишке. Это все.

— Снова из милиции? — озабоченно заморгал глазками Борис Филимонович Штучкин. — Но я же все уже рассказал вашему товарищу, ей-богу, все как на духу, уж и добавить большие нечего. — Председатель домового комитета нервно перебирал пальцами, то сжимая, то разжимая пухлые, поросшие рыжими редкими волосами руки.

— Ну-ну, Борис Филимонович, не стоит так волноваться, — успокоил его Ян Карлович. — Вы очень нас обяжете, если расскажете о прежнем хозяине дома. Его семействе, знакомствах. Все же вы выросли в доме и являетесь для нас бесценным свидетелем.

При этих ласковых и даже несколько льстивых заверениях лицо Бориса Филимоновича порозовело, суетливо бегающие глазки успокоились, ладони мирно сложились на упитанном животике.

— Ну, что же, конечно, чем могу. Я всегда рад помочь родной советской власти, и все, что в моих силах... — привычно лепетал он, ерзая на стуле.

— Скажите, какие взаимоотношения были в семье Пичугиных, особенно между братом и сестрами? — начал издалека Ян Карлович.

— Между младшим поколением? Ну, это очень просто. Первая жена Михаила Афанасьевича рано умерла, старшей дочери было лет восемнадцать, младшей — пятнадцать. Понятно, что девочки очень переживали потерю матери, сам я, признаюсь, тогда был еще очень мал, но мне позже маменька рассказывала. Очевидно, девочки рассчитывали, что отец больше не женится, но они ошиблись. Как говорила маменька, у Михаила Афанасьевича была страстная мечта иметь сына. Он просто был помешан на рождении наследника. Девочки мачеху

невзлюбили. С отцомссориться они побаивались, Михаил Афанасьевич характеру был сложного, а вот с мачехой своей не ужились. Вскоре все трое вышли замуж, всем троим отец приданое дал, маменька говорила, что по-честному поступил. Но все же основной капитал и дом, и все добро должно было сыну достаться.

— А много было добра?

— *Ого! Михаилу Афанасьевичу еще от отца досталось немалое состояние. А он его притянул и им же до революции два многоквартирных дома принадлежало. Сами они там никогда не жили, сдавали поквартирно. А еще деньги и драгоценности. Михаил Афанасьевич свою вторую супругу не очень жаловал, но однажды был у них прием под Рождество, много важных гостей было, так он ей выдал ожерелье такое, это я уж сам помню, до сих пор перед глазами как живое стоит, крупные такие сапфиры, словно середки у бриллиантовых цветов. А сами цветы вот такие и собраны в гирлянду. И к нему серьги и перстень. Маменька говорила, это старинная работа, это колье еще Афанасий Иванович Пичугин жених своей на какой-то юбилей подарил, а купил у какого-то разорившегося князя за немалые деньги, потому как это работа известного мастера, еще при Екатерине сработано. Вот. А то, что помимо этого колье, было, всякие там брошки-сережки, и считать смысла не имеет.*

— А куда же это все подевалось? Неужто все реквизировали, неужели Пичугин припрятать не сообразил?

Тут лицо Бориса Филимоновича приняло весьма загадочное выражение, и, выдергивая эффектную паузу, он шепотом проговорил:

— Может, и сообразил. Еще после Февральской революции, когда царя, значит, сместили, Михаил Афанасьевич по совету зятя своего, он у него большой коммерсант был, очень быстро продал всю свою недвижимость, маменька сама слыхала, как они об этом в кабинете шептались, что, мол, цену получили маленькую, зато быстро. А дальше зять советовал Михаилу Афанасьевичу все деньги в золото обратить.

— И что же, успел он это сделать?

— Вот этого сказать не могу, — с досадой проговорил Борис Филимонович. — Но думаю, что успел. А что касаемо драгоценностей, то было в семнадцатом и восемнадцатом годах, к хозяину и вправду несколько раз приходили с ордерами да мандатами. Дом обыскивали, даже в печи заглядывали, это нам с маменькой дворник рассказывал, он в окошко подглядывал, а раз было и нас понтыми приглашали. И говорит, что забрали немало, а вот все ли или нет, не скажу. Но вообще Михаил Афанасьевич человек был не промах, не глядите, что художник. А вот еще что, дворник-то наш Тихон и до сих пор у нас служит, хоть и постарел, а бодрый еще. Мы его на работу в домовый комитет приняли, исправно метет. Он и сейчас на посту, давайте я вас познакомлю.

— Спасибо, с удовольствием, — поблагодарили Ян Карлович. — А вот я слыхал, между детьми старшего Пичугина ссоры были из-за наследства, вроде даже сами его отпрыски считали, что отец клад припрятал, а с ними не поделился.

— Вполне может быть. Да только ведь никто из них здесь не показывается. Что между ними происходит, не скажу. Но когда Михаила Афанасьевича хоронили, на поминках поругались.

— Вот даже как?

— Время было тогда тревожное, семьей хоронили, чужих на поминках не было. Дочка старшая из Москвы приехала, поезда уже толком не ходили, да и страшно, время-то неспокойное, но прикатила вместе с мужем и детьми. И вот все они в столовой и ругались.

— И из-за чего же вышла ссора?

— Да все из-за того же, из-за денег. Сестры требовали наследством поделиться, а Николай Михайлович уверял, что делиться нечем. Счета в банке национализировали, дома батюшка раньше продал, особняк этот, в котором отец жил, могут забирать себе, да

только он не советует, новая власть все равно отберет. Простите, это его, так сказать, слова, – внезапно побледнев, пояснил Борис Филимонович.

– Разумеется. Далее.

– Так вот, а сестры не верили. Думали, отец все в золото обратил, а золото или спрятал, или все сыну отдал. А Николай Михайлович ответил, что это золото младший зять с собой в Польшу вывез, чтобы там в банк положить, только положил он их наверняка на свое имя, и что теперь ищи его вместе с золотом. Обманул всех панове.

– И что же дальше?

– Сестры сомневались. А мне так вот кажется, что так все и было. Очень уж оборотистый субъект был. В любом случае, как бы там ни было, денег они в доме не нашли и между собой не договорились. Мне кажется, сестры до сих пор подозревают, что Николай Михайлович все добро себе забрал и где-то припрятал.

– А не мог старый Пичугин сам драгоценности спрятать, а сыну не сказать куда?

– Мог, наверное. Только зачем? Он же спал и видел, как бы все сыну завещать. Очень настаивал, чтобы тот по семейной традиции в художники пошел, в Академию его определил на учебу. Учителей по рисованию нанимал с самого детства. Сам с ним занимался. Так что, если бы клад спрятал, наверняка бы сыну сказал, – утвердительно проговорил Борис Филимонович.

– Ясно, идемте к дворнику.

– Сокровища? – щурясь на солнышко, равнодушно спросил дворник Тихон Авдеевич, приземистый, с огромными загрубелыми от тяжелой работы руками, с загорелым, изрезанным морщинами лицом. – Да, были, как не быть.

– И что же, все реквизировали?

– Про все не скажу, не знаю. Но было дело, зимой пришло пятеро, матросы были, солдаты и в кожанке один. Мне сразу в нос револьвер сунули, отворяй, мол, в двери барские забарабанили. А Михаил Афанасьевич тада уже один жил, холодно, дрова все вышли, так он в своем кабинете проживал, остальные комнаты закрыл, да вот еще Настасья ходила ему еду носила, а так сидел сиднем у себя, не пускал никого. Иногда только сын к нему приезжал. К себе забрать хотел, да хозяин упирался. Упрямый был старик. Вздорный.

– Да, интересная история. Ну а что же сокровища?

– А что сокровища? – поморгал бессмысленно глазами Тихон Авдеевич. – Ах да, сокровища. Так вломились тогда в дом, хозяин пускать, конечно, не хотел, да как не пустишь? Пристрелят. Я за него очень волновался, вот к окошку-то и подлез, поглядеть, как бы чего не вышло. Они ему бумагу в нос сунули, потом стали чего-то говорить. Он головой мотал, а тот, что в кожанке, револьвер из кармана вынул и велел своим его вроде как к стенке ставить, ну уж тут Михаил Афанасьевич перепугался, повел их в кабинет, сейф отпирать. Они страшно обрадовались, все оттуда выгребли, бумагу какую-то с печатью выдали и убрались. А только вот мое мнение, что хозяин мой не дурак был, не стал бы он все в одно место прятать. Да и как по мне, мало там добра было.

– А большие не приходили с обысками?

– А как же, приходили, только хозяин теперь сразу открывал и всем бумагу показывал, мол, все забрали, можете убедиться. А только все одно тащили из дома кто что мог. Всякие там часы, вазы, один раз шубу с него сняли, вытряхнули, как кутенка какого, и с собой прибрали. Вот.

– Значит, остальное добро сыну досталось, Николаю Пичугину?

– А вот чего не знаю, того не знаю. А только, когда старого хозяина хоронили, сестры с Николаем Михайловичем сильно ругались, это мне опять-таки Настасья рассказывала. А только как по мне, так, может, бриллианты эти и до сих пор где припрятаны. Вот.

Глава 5

27 мая 1925 года, Ленинград

— С самой Ольгой Пичугиной я еще не встречался. Поговорил с преподавателями в университете, подругами и даже младшим братом, — прихлебывая из стакана обжигающе горячий чай, делился Поликарп Петрович. — В общем, как и говорил ее двоюродный брат, девица ветреная, учебой не слишком интересуется. Среди студентов считается личностью несознательной, а среди особо горячих борцов за светлое социалистическое будущее даже оппортунисткой. Если бы не ее хорошенъкая внешность, вероятно, ее бы вообще исключили из университета, а так, по мнению некоторых студенток, половина парней в нее влюблены, особенно политически активных, вот она и пользуется. А еще, по словам подруги, некой Татьи Леонидовой, такой же легкомысленной особы, как и сама Пичугина, Ольга Николаевна недавно познакомилась с заезжим московским коммерсантом, знакомство состоялось почти одновременно с ограблением. Познакомились прямо на улице. Коммерсант, со слов подруги, молодой, интересный и состоятельный, никто из подруг и родственников его до сих пор не видел. Думаю, стоит им заняться.

— Правильно, ну а что с родственниками? — обернулся к Андрею Соломину Поликарп Петрович.

— Москвичи телеграфировали, что родственники Пичугиных в последние две недели города не покидали. У ленинградских племянников алиби, проверил досконально, — коротко, деловито отчитался Андрей.

— Захар, у вас что?

— Составили список знакомых семейства Пичугиных, изучаем. Дело не быстро. Пока что под описание преступника подходит только художник Курочкин, но он три недели как уехал на село в творческую командировку, писать советское крестьянство. Вернется через неделю. Пока работаем по списку.

— Ясно. Продолжайте, Соломин, поможешь, а я побеседую с Пичугиным. Скользкий субъект, все время что-то недоговаривает. Если бы не ограбление его собственной квартиры, я бы вообще подумал на него. Рост подходящий, фигура тоже, возраст — дело относительное, а волосы можно и перекрасить, — с досадой проговорил Поликарп Петрович.

— Все три преступления связаны с вашим семейством, точнее, с сокровищами, спрятанными вашим отцом. Преступник ищет их. Ищет настойчиво, целеустремленно. И уже имеется первая жертва, — наставительно выговаривал Пичугину Поликарп Петрович, надеясь доискаться до правды.

— Погодите! — потянулся всем корпусом к същику Николай Михайлович. — Я уже сто раз вам повторял, что нет никаких сокровищ! Нету! Если бы они были, я уверен, отец сообщил бы мне о них. Иначе в чем смысл? Я художник, я живу исключительно своим трудом. Спросите моих знакомых и коллег, вам все скажут, как много я работаю. Все, что вы видите в квартире, опять-таки было заработано мною, да, это было еще при старом режиме, но все-таки заработано! Вот этими вот руками. — Николай Михайлович потряс перед носом Поликарпа Петровича раскрытыми ладонями, хоть и чисто вымытыми, но хранящими на себе следы въевшихся красок.

— А как насчет золотых слитков, которые ваши отец приобрел после продажи домов?

— Золотые слитки? — Глаза Николая Михайловича приобрели пугающие размеры, Поликарп Петрович даже испугался, как бы они не лопнули. — Какие еще слитки?

– Ну как же? О них было известно и вашим сестрам, и горничной, и дворнику Тихону Карпову, а возможно, и еще кому-то, – спокойно пояснил Поликарп Петрович. – Так что же с ними стало?

– Ничего, – сдуваясь, словно воздушный шарик, вяло проговорил Николай Михайлович. – Они просто исчезли. Точнее, их украл этот прохвост, муж моей сестры. Он уговорил отца вложить деньги в Польский банк, в Петрограде на тот момент было крайне неспокойно. И взялся лично переправить их в Варшаву. Больше мы не видели ни его, ни золота. Сестра, как вам наверняка известно, умерла, а может, он ее уморил, а сам негодяй сбежал в Америку.

– Ясно. А вам знаком новый приятель вашей дочери, некий московский коммерсант?

– Приятель? Московский коммерсант? – тут же забывая про трудовые руки, заволновался Николай Михайлович. – Первый раз слышу. Леля ничего не говорила. А кто он? Боже мой, она, конечно, совершенно взрослая девица, но при этом невероятно легкомысленная… Эти ее знакомые, кавалеры… Поклонники… Сколько раз я говорил Мусе, чтобы строже за ней следила… – бормотал озабоченно Николай Михайлович.

Больше с Николаем Пичугиным беседовать было не о чем.

– Муся! Муся! – едва закрыв за сыщиком двери, звал Николай Михайлович. – Где ты?

– Господи, Коля, разве можно так кричать? Клава едва банку с солью в кастрюлю не уронила. Что еще стряслось?

– Еще? Нет, еще ничего не стряслось! – исключительно выразительно выкрикивал каждое слово Николай Михайлович. – Хватит того, что уж есть. Зачем, я спрашиваю, зачем ты вызвала милицию? Ну кто тебя просил? Ну как это пришло в твою голову из-за двадцати рублей беспокоить рабоче-крестьянскую милицию?

– Ну что же тут такого? Нас же ограбили, а они должны следить за порядком. А если бы они унесли что-то ценное?

– Единственное, что у нас есть ценного, висит посреди комнаты замазанное безобразным пейзажем с коровами, на эту дрянь даже последний жулик не покусится, да и рама на картине простая, деревянная. А все остальное – хлам!!!

– Коля, но они влезли среди бела дня! И потом, тебя не было дома, а если бы в это время вернулась Леля или Андрюша? Что мне было делать? – укоризненно выговаривала мужу Мария Григорьевна. – Коля, скажи мне просто, что случилось?

– Просто? Сказать просто? – не желал успокаиваться Николай Михайлович. – Говорю просто. Милиция к нам ходит теперь как на службу. Они уже все пронюхали про наше семейство, про батюшко-кино состояние. Даже про золотые слитки!

– Коля, они же пропали!

– И что? Теперь мы для них буржусы недобитые! Я столько работал, столько добивался признания меня пролетарским художником. Малевал всякую пакость, портреты этих наркомов, председателей, комиссаров. Этых высокочек. Этых упырей! А гигиенические плакаты? Да мои отец и дед, наверное, в гробу перевернулись!

– Коля! – испуганно воскликнула Мария Григорьевна, закрывая рот руками.

– А-А! Не могу, надоело! – Топнул ногой Николай Михайлович. – Могу я в собственном доме дать волю чувствам?

– Но ведь Клава? – чуть не плача, заметила шепотом Мария Григорьевна.

– А что Клава? Упры и есть. С меня прошлой зимой цигейку сняли, душегубы. А на рынок пойдешь, только успевай кошелку к сердцу прижимать, того и гляди выхватят или кошелек украдут, – выглядывая из кухни, по-свойски влезла в разговор домработница. – Так их, Николай Михайлович, иродов, чтоб им всем ни дна ни покрышки.

– Успокойся, Коля, пойдем, я дам тебе капли. Приляжешь, – суетилась вокруг мужа Мария Григорьевна.

— *Лучше коньяку. Стакан!* — слегка пошатываясь, попросил он, опираясь на жену. — Они и про драгоценности пронюхали, Тихон, подлец, проболтался.

— Этого только не хватало! — всплеснула руками Мария Григорьевна.

— Ты знаешь нового Лелиного знакомого, какой-то коммерсанта из Москвы, говорила она тебе о нем?

— Нет.

— А они знают! — снова принялся сердиться Николай Михайлович. — Совершенно ты ее распустила. Делает, что хочет, заводит сомнительные знакомства, а учеба по боку? А еще театр этот. Ты помнишь того типа в огромном пальто и обтрепанных брюках, как его звали?

— Сергей, кажется? Герасимов? — усердно морщаась, вспоминала Мария Григорьевна. — Но, Коля, он же из пролетариев. К тому же они, кажется, расстались.

— Пролетарии! Сколько раз я вам говорил, чтобы она скромнее одевалась? Ты понимаешь, что при нынешней власти надо держаться скромнее! Отбери у нее все платья, нашей ей белых блуз, пусть ходит, как все советские девушки, — тяжело дыша, выкрикивал распоряжение обессилевший от переживаний Николай Михайлович. — Ей надо активнее участвовать в политической жизни. Жаль, ее в комсомол не примут... Все равно надо быть активнее. За что они там борются, кроме гигиены?

— Коля, ну откуда мне знать?

— Откуда? Привыкли за моей спиной прятаться? Почему ты не ходишь в клуб? Там читают лекции о современном международном положении, о новой политике и еще о чем-то. А сколько раз я просил тебя покупать газеты и читать их?

— Коля, их невозможно читать, — решительно возразила Мария Григорьевна.

— Их надо читать! Конечно, это вам не тряпки-шляпки, но читать их надо! И Леле и Клаше. Вы же дремучие люди, вы не живете жизнью страны! Какая главная стройка нашего времени? А? — останавливаясь перед комнатой, спросил Николай Михайлович.

— Коля, ну откуда мне знать?

— Ну хоть о плане ГОЭЛРО ты слыхала? А о том, что «бывших», буржуев всяких, заводчиков, банкиров, графов и прочее иже с ними, на Соловки ссылают, а иногда расстреливают, слыхала?

— Коля!

— Что Коля, что Коля? Где наша дочь? — падая почти без чувств на супружеское ложе, хрипел чуть живой от переживаний Николай Михайлович.

— Да вот она, кажется, — прислушиваясь к шуму в прихожей, проговорила Мария Григорьевна.

— Леля! — вскакивая с кровати, закричал обычно выдержаный и спокойный Николай Михайлович. — Леля? Где ты была? С кем? Что на тебе надето? Откуда это?

Леля, ничуть не смущаясь, покрутилась перед отцом, демонстрируя ему свое платье цвета лаванды, с двойными воланами на юбке, с бантом на бедре, с большим отложным воротником, украшенным букетиком фиалок.

— Мило, правда? А эту шляпку я купила на Невском, подошла идеально.

— Какой Невский? Какой Невский? Проспект Двадцать пятого октября! Муся, наша дочь вгонит меня в могилу, а вас сгноят на Соловках, помяни мое слово!

— Коля, успокойся, это просто новое платье, такие сейчас носят, — попробовала урезонить мужа Мария Григорьевна.

— Носят? Кто носит? Чуждые элементы? Нэпманы? Иностранные спецы? Кто носит, я вас спрашиваю? Ты когда в последний раз видела простого советского студента? — обратил он к жене указующий перст. — А? Съезди к университету. Поинтересуйся. — Накал страсти, обуявший главу семейства, достиг апогея, его лоб покрылся испариной. Он схватился за сердце, ноги его подкосились.

— Все эти тряпки снять! Купить белую блузу и черную юбку. На ноги ботинки! Что бы у нас ни украли, милицию вызывать запрещаю! Все украшения снять, нательные кресты снять! Мясо в лавке не покупать, у нас пост! — прохрипел он и рухнул на пол.

Рядом стояла, прижимая к себе новую шляпку, и безутешно рыдала Леля.

Доктор Семен Аркадьевич тихо прикрыл дверь в спальню, где в полутьме лежал на кровати сломленный невзгодами Николай Михайлович.

— Все хорошо, все хорошо, — прошептал он бросившейся ему навстречу Марии Григорьевне. — Не волнуйтесь, голубушка, это просто усталость, первое напряжение, давление скакнуло. Все будет хорошо. Вам самой бы капельки попить. А Николай Михайлович денек-другой полежит и будет как новенький.

— Ох, благодарю вас, доктор, Коля нас так напугал, — промокая платочком глаза, посетовала Мария Григорьевна. — Вы не откажетесь выпить с нами чаю?

— Конечно, с удовольствием. А вот и Леля, здравствуйте, барышня, — кланяясь поднявшейся ей навстречу Леле, поздоровался Семен Аркадьевич. — Как прекрасно цветение юности! — Сам Семен Аркадьевич был уже немолод, сед и лысоват. Имел приятную окружность фигуры и ласковые смешливые моришки вокруг глаз, больные его обожали и, чтобы не огорчать, быстро выездоравливали.

— Ну-с, а где молодое поколение? Где же Андрюша?

— На занятиях, урок живописи, — разливая чай, пояснила Мария Григорьевна. — Коля записал его в кружок при Академии художеств. Андрюша, правда, сопротивлялся, но Коля категорически настаивает, чтобы мальчик продолжил династию. Семен Аркадьевич, берите пирожное.

— Благодарю. А чем же увлекается само юное дарование?

— Ох... — взмахнула рукой Мария Григорьевна. — Недавно Андрюша вступил в пионеры.

— По-моему, это очень современно, — одобрил доктор. — Сейчас все куда-то вступают. Мой юный внук вступил недавно в ОДВФ, Общество друзей воздушного флота. Я неделю заучивал название. Теперь он после работы моделирует планеры, вся комната в чертежах, модели повсюду, у нас бывают очень интересные молодые люди, такие, знаете, увлеченные, горячие. И вечно голодные. Анна Дмитриевна их все время подкармливает, — не без гордости, с веселой улыбкой рассказывал Семен Аркадьевич. — И вам, Лелечка, я бы советовал выходить замуж за инженера, это очень перспективно. За техникой будущее! За техникой будущее! А кстати, по поводу будущего и молодежи! Перед вами я заглядывал к Исааку Людиновскому, ваша Леля, кажется, знакома с его сыном?

— Леля?

— Да, мы знакомы.

— Ну, так вот, его супруге было сегодня плохо. Вчера Исаака Эфроимовича арестовали по обвинению в финансировании европейской монархической организации или что-то в этом роде. Его жена была очень расстроена, разобрать ее речь было крайне сложно. Насколько я знаю, у их сына должна была состояться вскоре свадьба, теперь помолвка расторгнута, их имущество конфисковано. Хорошо, что у мальчика есть профессия, он окончил университет и сможет содержать себя и мать. Ужасно. Просто ужасно.

— Леля, как близко ты знала этого мальчика? Людиновского? Леля, откуда вы с ним знакомы? Это не тот темноволосый кудрявый молодой человек, что так часто ждал тебя возле дома? Ты понимаешь, что, если папа об этом узнает, в его нынешнем состоянии нового удара не избежать, — сцепив в замок руки, взъерошивала Мария Григорьевна.

— У папы не было удара, и мы с Левой давно расстались. Ты сама слышала, у него есть невеста, — дернув плечиком, отмахнулась Леля.

— А что у тебя за новый знакомый, которым интересуется милиция? — не отставала от нее мать.

— При чем здесь милиция? Какое им дело до моих знакомств? И вообще, не беспокойся, он солидный человек. Взрослый. Коммерсант, из Москвы, зовут Платон Витальевич.

— Какой еще коммерсант? Чем точно он занимается?

— Понятия не имею. Чем-то торгует, станками, кажется, — отмахивалась Леля, причесывая перед зеркалом свои золотистые стриженные по последней моде и уложенные крупными волнами кудри. — Да не волнуйся ты так, он мне предложение сделал, очень хочет с вами познакомиться. Я как раз вам сказать хотела, когда папа на меня набросился.

— Замуж? — всплеснула руками Мария Григорьевна. — А учеба? И вообще, Леля, папа считает, что тебе лучше найти умного, порядочного мальчика рабоче-крестьянского происхождения. Лучше рабочего. И лучше сироту. — Не удержавшись, добавила Мария Григорьевна.

— О, боже! Для чего? Чтобы он жил на нашей площади и, сидя за столом, сморкался в скатерть? — презрительно уточнила Леля. — Нет уж.

Мария Григорьевна ее в душе поддержала.

— А Платон Витальевич, он образованный, интересный человек, живописью увлекается. Представь, у его деда была прекрасная коллекция, там даже ваши обожаемый Брюллов имелся, — обернувшись к матери, восторженно рассказывала Леля. — А его прадед был, между прочим, камергером.

— Камергером? Боже мой, какой ужас!

— Не пугайся, об этом никто, кроме меня, не знает. Отец его никогда не служил. Папе Платон Витальевич понравится, он с такой живостью рассказывал о папином творчестве, о дедушке. О нашем собрании картин, жаль, конечно, что почти все у деда хранилось, надо было заранее у него все забрать и у нас спрятать, хоть под полом, — с горьким разочарованием проговорила Леля.

— Это тебе новый знакомый подсказал? — тут же насторожилась Мария Григорьевна.

— А что такого? Их семья тоже почти все потеряла.

— Леля, где ты познакомилась с этим человеком? И вообще, как давно вы знакомы?

— Ну, около недели.

— Около недели, и замуж?! Леля, ты с ума сошла, это же верх легкомыслия! — Мария Григорьевна почувствовала легкое головокружение. — А ты не подумала, что, может, он специально расспрашивает, а может, это он...

— Нас ограбил? Мама! У нас украли старую шубу, двадцать рублей и белье! Картины вон, целехоньки висят, и вообще, денег у него хватает, видела бы ты, как он одевается. В ресторан меня приглашал несколько раз, в театр, на авто катал. А познакомились мы у Татьи Леонидовой, — не моргнув глазом сорвала Леля. — Так что не о чем волноваться. А за всяких там пролетариев, — презрительно сморицив нос, проговорила Леля, — лучшие утоплюсь, а не пойду, так папе и передай.

Мария Григорьевна только тяжело вздохнула, характер у дочери был капризный и управляемый, как с таким на свете жить?

Глава 6

27 мая 1925 года, Ленинград

— Захар, удалось разыскать ухажера Лели Пичугиной?

— Проследили, — довольно ухмыльнулся Захар. — Ни в каком «Англетере» он не проживает. Снимает комнату на Лиговке, в пяти минутах от Московского вокзала. Хозяйке представился Сомовым Платоном Витальевичем, сотрудником Автотреста, прибывшим в Ленинград в командировку. На вид меньше тридцати, чуть выше среднего роста, чернявый, нос большой костистый, глаза карие, одет хорошо, костюм, шляпа, обут в штиблеты. Я побеседовал с хозяйкой, баба вредная, сперва вообще говорить не хотела. Пришлось пригрозить. Комнату Сомов снял недели полторы назад, при себе имел небольшой саквояж, за комнату заплатил за неделю вперед, в первые несколько дней дома почти не бывал, а теперь спит до обеда, потом пьет чай и до вечера уходит. Когда возвращается, хозяйка не знает, потому что у жильца свой ключ, а она рано ложится. Я попросил Яна Карловича телеграфировать в Москву в Автотрест, проверить насчет Сомова.

— Да-да. Вот и ответ, пришел буквально несколько минут назад. Никакого Сомова Платона Витальевича в тресте не значится. И в командировку в Ленинград никто из сотрудников треста в последний месяц не выезжал, — помахал телеграфным бланком Ян Карлович.

— Ну что же! — бодро воскликнул Поликарп Петрович. — Думаю, товарищи, что дело это мы с вами раскрыли. Сомова надо немедленно задержать. Отпечатки пальцев у нас имеются, имеется свидетель...

— Поликарп Петрович, звонил председатель домового комитета Штучкин, — заглядывая в бумажку, перебил его дежурный Семен Дежскин, заглядывая в кабинет, — у них там дворника убили, просил непременно вам сообщить.

— Дворника? На Гороховой? — вскакивая из-за стола, воскликнул Поликарп Петрович. — Захар, возьми Туманова и Козлова и быстро за Сомовым, арестовать и доставить в УГРО, остальные со мной на Гороховую. Ян Карлович, вы с нами!

Дворник лежал на паркетном полу посреди бывшего хозяйственного кабинета среди обломков мебели, раскинув в стороны руки, лицом вниз, на его лысеющей седой макушке зияла большая безобразная рана, рядом валялся тяжелый бронзовый лев на подставке из яшмы.

Поликарп Петрович оглядел большую, заставленную конторскими столами и разномастными стульями, комнату.

— Откуда взялся этот лев? — спросил он у замерших возле своих столов работников «Кишипромторга».

— Так он нам еще от бывших хозяев достался, — с нервной ухмылкой ответил конопатый молодой человек в косоворотке и брезентовых туфлях.

— И где он обычно находился?

— Украшал начальственный стол, естественно, — еще шире и увереннее ухмыляясь, ответил тот же молодой человек.

— Ну, что вы несете, товарищ Свищухин! — выскоцил из-за спин сотрудников маленький, приземистый гражданин в вышиванке, с обширной лысиной на макушке. — Это историческое наследие, предмет искусственной работы уральских резчиков. Может, даже какого-то крестьянского мастера! Мы должны сохранять традиции народного творчества.

— Ясно. Значит, находился этот лев в этой же комнате. Покажите ваш стол, — распорядился Поликарп Петрович.

— Извольте. Вот он у окна, — просеменил к большому, украшенному резьбой и затянутому зеленым сукном, очевидно, также принадлежавшему бывшим хозяевам, столу начальник конторы. — Вот тут стоял, посередине стола.

— Очень хорошо, — возвращаясь к лежавшему возле украшенной темно-зелеными изразцами печи дворнику, пробормотал Поликарп Петрович. — Кто нашел убитого?

— Я, — снова выступил вперед начальник конторы. — Пришел первым на службу, отомкнул замок, и вот. Служащих еще не было, я всегда рано прихожу, увидел, что тут делается, выбежал на улицу, стал звать на помощь. Тут как раз местный председатель проходил, поднялся со мной наверх, взглянул, что тут творится, и побежал вам звонить, а я остался на лестнице сотрудников караулить, без вас мы сюда большие не заходили.

— Очень хорошо. Сейчас вы все опять выйдите, мы вас допросим после осмотра места происшествия, и пошлите кого-нибудь за гражданином Штучкиным, — распорядился Поликарп Петрович.

— Да ты гляди, как они помещение разворотили, — уважительно протянул Андрей Соломин, разглядывая оторванные от стены высокие, под потолок, книжные шкафы красного дерева. — Какую хорошую мебель поломали. Тайник наверняка искали, вы как думаете, Поликарп Петрович? Интересно, нашили они там чего-нибудь?

— Ян Карлович, вы как считаете? — переадресовал вопрос старому спецу Поликарп Петрович.

— Я не считаю, я размышляю, — осматривая с лупой пролом, проговорил Ян Карлович. — Вот здесь вот поворотный механизм был, — указал он на заднюю стену одного из шкафов, — но взломщики его определенно не нашли или не потрудились искать. И сейф хоть и простенький, а все же для баловства сюда был поставлен, — осматривая зияющий пустотой, покореженный железный ящик, проговорил Ян Карлович. — Работали грубо, не вскрывали, а взламывали. Не удивлюсь, если дворник помогал грабителю. Топор-то определенно его. Надо бы предъявить родственникам, может, опознают. Есть у него семья?

— Не знаю пока. Соломин, сбегай, разузнай и, если есть, веди сюда.

— Обчистили сейф самым натуральным образом. Удивительно только, что младший Пичугин об этом тайнике не знал. А если знал, почему не забрал сокровище? Ведь после смерти отца мог преспокойно это сделать! — размышлял вслух Ян Карлович. — Или все же забрал, и грабителям кукши с маслом достался? Простите за вульгарность.

— Действительно. Получается, что грабители опять зря потрудились? Настойчивые, однако. Или все же Пичугин-младший драгоценности не доставал и о тайнике не знал? — усиленно тер лоб Поликарп Петрович. — По словам бывшей прислузы, у покойного был тяжелый характер, да и склонностью он отличался, может, не сообщил наследникам о сокровищах?

— У кого бы спросить... — невесело пошутил Ян Карлович. — Ну, я поехал в УГРО, поработаю с уликами, отпечатки проверю. А вы уж со свидетелями построже, особенно что касается дворника разузнайте, его роль в этом деле очень важна.

Павел Гаврилович Громов, начальник Первой бригады Ленинградского уголовного розыска, сидел за столом в своем кабинете и грозно смотрел на своих подчиненных:

— Прозевали? Профукали? Убийцу упустили! — Тут он от слов перешел к делу и грохнул кулаком по столу так, что чернильный прибор подскочил, и чернила по столу расплескались. — Забыли, мать вашу, как рабоче-пролетарская милиция работать должна? Разжигали на казенном пайке? Мирной жизни захотелось? Забыли, как ваши старшие товарищи под пули лезли, трудовой народ защищая? Как вам не совестно перед товарищами вашими погибшими, перед Макаром Фроловым, Тимофеем Жуковым, Николаем Плотниковым, перед другими милиционерами? Двойное убийство! И нечего прикрываться тем, что он не честных

советских граждан убивал, а уголовника и старого пьяницу, полезшего от жадности барские сокровища искать. Не оправдание это для вас!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.